

Олеся Руданская

РАЗВОЖУ
С ДРАКОНАМИ
За любовь
не отвечаю

РАЗВОЖУ С ДРАКОНАМИ

За любовь
не отвечаю

Олеся Руданская

**Развожу с драконами.
За любовь не отвечаю**

«Автор»

2026

Руданская О.

Развожу с драконами. За любовь не отвечаю / О. Руданская —
«Автор», 2026

Открывая бюро «Развожу с драконами», я рассчитывала на скандальные разводы и немного заработка. Но первая клиентка едва держится на ногах: муж тайно расплачивается её магией за свои долги. Вторая хочет сохранить счастливый брак, но после закрытия договора продолжает терять силу. А третья уже полгода вдова. И всё равно платит по чужому обязательству. Три женщины. Три подменённые клятвы. Один след, ведущий к опасной тайне городского магического щита. И подлинная печать Эдгара Роэна — главы драконьего надзора. Невыносимо правильного, опасно привлекательного и привыкшего всё решать самому. Он считает мои методы рискованными. Я считаю его самым раздражающим драконом Лирдена. Но, чтобы разоблачить тех, кто торгует чужой магией, нам придётся работать вместе. И выяснить, что сложнее: разорвать лживую клятву или научиться доверять собственное сердце дракону. За чужую любовь я не отвечаю. А вот за свою, похоже, придётся.

© Руданская О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вывеска и первая клиентка	5
Глава 2. То, что было обещано	17
Глава 3. Право уйти	38
Глава 4. Мы хотим остаться вместе	67
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Олеся Руданская

Развожу с драконами.

За любовь не отвечаю

Глава 1. Вывеска и первая клиентка

— Нижнюю строку я бы убрала, — сказала Дора.

Я стояла на табурете, прижимая вывеску к стене. Дора держала гвозди и подавала их по одному.

— Мы её вчера полчаса выравнивали.

— Я про надпись.

На вывеске свежей чёрной краской было выведено: «Развожу с драконами». Ниже, буквами помельче: «За любовь не отвечаю».

— Всё честно, — сказала я. — За чужую любовь я действительно не отвечаю.

— Клиенты любят, когда за их деньги отвечают за всё.

Дора протянула молоток рукоятью вперёд. Я наконец забила гвоздь, слезла и отошла к перилам. Вывеска висела ровно. Под ней виднелось пятно старой побелки: прежний жилец прибил на это место подкову. По словам хозяина дома, от долгов она его не уберегла.

Снизу донёсся удар переплётного пресса. Дрогнули перила, и Дора поймала вывеску за угол.

— Ещё один гвоздь.

Я взяла у неё последний гвоздь, снова поднялась на табурет и закрепила второй угол.

На Медной улице шёл мелкий дождь. У пекарни разгружали корзины, и от булочек под мокрой тканью поднимался пар. Я пожалела, что утром решила обойтись вчерашним хлебом.

В бюро пахло краской, бумагой и нагретым клеем из мастерской внизу. Два письменных стола мы купили у закрывшегося оценщика. Мой стоял у окна, Дорин — ближе к двери.

Маленький стол для посетителей достался почти даром. На полированном краю темнел круг от горячей кастрюли; я прикрыла его салфеткой. Поставила два одинаковых стула, чтобы никто не сидел ниже меня, и подвинула лампу так, чтобы свет падал на бумаги, а не в лицо.

Дора сняла плащ и спрятала найденный на рукаве кусочек бечёвки в ящик с перьями. За годы работы в нотариальной конторе она привыкла сохранять всё, что могло пригодиться.

Я положила на свой стол журнал приёмов. На первой странице было чисто. На второй тоже. Дальше я проверять не стала.

— До двух я здесь, — напомнила Дора. — Потом у меня бельё и хозяин квартиры с новой сметой на ремонт крыши.

— Мы договаривались.

— И не вздумай говорить, что заплатишь мне, когда появятся клиенты.

— Половина за неделю в верхнем ящике.

Она открыла ящик, пересчитала монеты и кивнула. Без благодарности, за что я была ей признательна. Мне сейчас особенно хотелось, чтобы хоть что-нибудь происходило как в обычной конторе: работа, плата, чистая бумага.

Дверь в мою жилую комнату я прикрыла. Из бюро не нужно было видеть таз под подоконником. За комнату и контору было заплачено вперёд. На следующий срок денег пока не было.

Я поправила шпильку в волосах и открыла рабочую шкатулку. Дора поставила воду греться.

Внизу хлопнула наружная дверь.

Мы обе посмотрели на журнал.

Шаги поднялись до середины лестницы и остановились. Послышался осторожный кашель. Потом ещё несколько шагов.

Я вышла на площадку раньше, чем Дора успела меня остановить.

У перил стояла женщина в синем шерстяном пальто. Дождь собрался на плечах мелкими тёмными точками. Одной рукой она держала свёрнутый конверт, другой сжимала перила так крепко, что побелели костяшки.

— Здесь Марта Вейр?

— Да. Проходите.

Она посмотрела на вывеску, потом на меня.

— Вы действительно разводите с драконами?

— Помогаю с разводом и с обязательствами, которые после него могут остаться. Что вам нужно?

Женщина попыталась ответить, но сначала ей пришлось перевести дыхание.

Я пододвинула ближайший стул.

— Давайте сядем. Пальто можно оставить на спинке.

— Оно мокрое.

— Стул переживёт.

Она медленно расстегнула пуговицы. Под пальто оказалось хорошее коричневое платье, ушитое по бокам. Швы были свежие и очень аккуратные. На манжете левого рукава не хватало двух пуговиц, хотя нить для них уже была продета в иглу и закреплена на внутреннем шве.

Дора принесла полотенце и представилась. Женщина назвала себя Ильвой Саррен.

Я записала имя.

— Тридцать четыре, — добавила она, увидев следующую графу. — Мастерская зачарованной ткани у Рыбного спуска. Если для заявления нужен адрес мужа, он другой.

— Сейчас вы живёте отдельно?

— Ещё нет.

Она разгладила конверт на коленях.

— Но хочу.

Дора поставила перед ней чашку тёплой воды. Ильва обхватила её обеими руками. Вода мелко дрожала у края.

— Муж согласия не даст, — сказала она. — Поэтому я сначала пришла к вам. На вашем объявлении было написано, что вы работаете с клятвами.

— Для обычного развода его согласие не требуется.

Ильва подняла глаза.

Я подождала, пока она поймёт, что продолжения с каким-нибудь «однако» не будет.

— А в Палате мне сказали, что сначала нужно разобраться с семейными обязательствами.

— Обязательства действительно придётся проверить. Но заявление о разводе вы можете подать сами. Это разные вопросы.

Она осторожно поставила чашку.

— Значит, можно начать?

— Можно. Вы хотите прекратить брак или пока только узнать, как это делается?

— Прекратить.

Ответ прозвучал тише предыдущих слов, но без колебания.

Я подвинула к себе журнал.

— Хорошо. Теперь расскажите, что происходит с вашей рукой.

Ильва спрятала левую ладонь под стол.

— Вы заметили?

На белом полотенце, которым она вытирала пальцы, осталась тонкая красная полоска.

— У вас кровь.

— Это я иголкой укололась. Не попала в петлю. Уже второй день всё роняю.

Она попыталась улыбнуться, будто речь шла о досадной небрежности, за которую следовало извиниться перед незнакомой женщиной.

Я промыла царапину и приложила чистую салфетку. Рука была холодной.

— Вам кто-нибудь смотрел метку?

— Лекарь мужа. Сказал меньше работать.

— Когда?

— В прошлую пятницу. До этого тоже смотрел. Он думает, мы с Гартом перестали подходить друг другу. Бывает ведь, что клятва... — Она запнулась. — Что с годами меняется совместимость.

— Всякое заключение лучше увидеть на бумаге. Оно у вас есть?

Ильва покачала головой.

Я попросила показать договор.

Ильва бережно вынула из конверта четыре листа.

— Это всё, что выдали.

Последний лист был заверен Палатой клятв. На сгибах бумага истёрлась, однако текст читался хорошо. Я проверила нумерацию, подписи и отметку о копии. Дора открыла свой журнал и начала опись.

— Четыре листа, — произнесла она. — Приняты для осмотра в присутствии владелицы. Никуда не переданы.

Я кивнула, хотя и сама видела, что листов четыре.

Два года я переписывала договоры для чужих контор. На некоторых бланках помещалось больше условий, чем на этих четырёх страницах. Здесь же всё было на первый взгляд просто: участие Ильвы в расходах новой мастерской, ограничение отбора, порядок его прекращения после окончательного расчёта за оборудование.

— Это приложение к вашему брачному договору?

— Да. Когда перенесли мастерскую. Гарт помог с помещением. Старое по весне заливало, ткань портилась.

— Когда подписали?

— Шесть недель назад.

— До этого рука болела?

— Иногда после большой работы. Совсем по-другому.

— Вам прочитали условия перед подписью?

— Прочитали. Про сушильню, защиту от сырости и расчёт за станок. Я ещё спросила, что будет, если заказов станет меньше. Писарь сказал, больше установленного не возьмут.

— Вы после этого подписали действующий лист и коснулись метки на нём?

— Да. Как положено.

— Были потом другие бумаги? Сверки, исправления, дополнительные согласия?

— Нет. Только это. Гарт говорил, что обо всём остальном позаботится сам.

Я вернулась к первому листу. По копии нельзя было увидеть, что происходило с самой связью. Бумага только сообщала, что должно было происходить.

— Я могу провести предварительный осмотр метки, — сказала я. — Он покажет, соответствует ли нагрузка тому, что здесь написано. Для окончательного вывода понадобятся действующий оригинал и запись условий, которые вам огласили.

— А разорвать сейчас?

Я отодвинула листы от воды.

— Сейчас я могу понять, нужна ли срочная помощь. Снимать спорное обязательство без разрешения суда нельзя. И без подготовки это опасно.

Ильва потянулась к застёжке сумки.

— У меня есть немного. За работу потом доплачу. Только мне бы сначала снова начать шить.

Она достала кошелёк, но не смогла разжать металлическую рамку.

Я положила рядом карточку с расценками.

— Вот расценки на консультацию и подготовку бумаг. Оплату согласуем до начала работы. За экстренную помощь платить не нужно. Можно посмотреть запястье?

Ильва кивнула и повернула ладонь вверх.

— Я прикоснусь к метке. Если станет больнее, скажете, и я остановлюсь. Вы согласны?

— Согласна.

Дора записала ответ.

Под рукавом обнаружился узкий след клятвы: несколько светлых линий на внутренней стороне запястья. В спокойном состоянии они почти не отличались от кожи. Сейчас одна из них потемнела и уходила под манжету неровной полоской.

Я передвинула лампу, вынула оставленную в шве иглу и воткнула её в салфетку. Расстегнула оставшиеся пуговицы и закатала ткань, не касаясь воспалённого места. Когда я подняла рукав до локтя, Ильва задержала дыхание.

— Дора, запиши, пожалуйста, где изменён цвет.

Та встала с листом, на котором был напечатан простой контур руки.

Я положила два пальца рядом с меткой.

Холодная кожа. Частый пульс. Потом привычное ощущение натянутой нити под пальцами.

Я прикрыла глаза, чтобы свет лампы не мешал, и стала различать соединения одно за другим.

Основной рисунок был ровным. От него отходила рабочая петля — та, которую следовало ожидать по приложению о мастерской. Я осторожно прошла вдоль неё и почувствовала ограничение. Оно существовало.

А чуть ниже что-то тянуло в сторону.

Я открыла глаза и посмотрела на копию. Потом снова сосредоточилась на ощущении под пальцами.

За краем рабочей петли проходило второе соединение. Тонкое, тесно прижатое к первому. Если смотреть только на видимую метку, его можно было принять за часть того же рисунка. Но нагрузка уходила по нему отдельно.

Я убрала руку.

— Вы всё время отдаёте силу? Даже когда мастерская закрыта?

— Ночью хуже всего. Я думала, оттого что не отвлекаюсь.

— А если совсем не работаете?

— Вчера не работала. Лежала до обеда. К вечеру не смогла поднять чайник.

Я показала Доре место для отметки на рисунке.

— Здесь ещё одно соединение. В копии я для него условия не вижу.

Перо остановилось над бумагой.

— То есть меня обманули? — спросила Ильва.

— Пока я знаю, что копия и действующая метка не совпадают. Нужно выяснить почему.

Она посмотрела на четвёртую страницу, где стояла печать.

— Но ведь заверено.

Я знала, как трудно после этих слов задать следующий вопрос. Когда-то сама слишком долго смотрела на такую печать.

— Заверено, — ответила я. — Поэтому и будем просить тот документ, с которого сделали копию.

Ильва закрыла глаза. Я решила, что ей нужно время, и протянула руку к воде.

Чашка ударилась о блюдо.

Женщина согнулась, прижав локоть к животу, и растерянно посмотрела на меня.

Тёмная линия на запястье стала заметнее.

— Ильва? Посмотрите на меня.

Она попыталась вдохнуть глубже и закашлялась.

Я отодвинула стол, чтобы у неё было больше места. Дора уже поддерживала её за плечи.

— Такое бывало?

— Бы... бывало. Сейчас пройдёт.

— Как долго проходит?

Ответить она не смогла.

Я коснулась края метки во второй раз. Новая волна отбора шла по боковому соединению. Ограничение, которое я ощутила на основной петле, её не останавливало.

У меня пересохло во рту.

— Дора, сухую коробочку. Ту, что справа.

Крышка щёлкнула у моего локтя.

Внутри лежали три плоских куса очищенного мела. Каждый я проверяла вчера. Купила бы больше, если бы могла.

Я взяла один.

— Ильва, я могу временно остановить отбор. Для этого нужно поставить зажим. Он будет держаться не больше двенадцати часов. За это время вызовем тех, кто поставит более долгую защиту. Сам договор останется. Вы меня понимаете?

Она кивнула.

— Разрешаете?

— Да. Пожалуйста.

Я попросила Дору держать полотенце под рукой и провела мелом короткую дугу вокруг изменённой части метки. Белая линия не хотела ложиться на влажную кожу. Пришлось промокнуть её край и начать этот участок заново.

Ильва вздрогнула.

— Я рядом. Ещё немного.

Вторую дугу я замкнула у основания ладони. Прижала большой палец к стыку, удерживая края, пока мел не перестал крошиться. Поверх белого следа выступила бледная матовая плёнка.

Остаток мела рассыпался у меня в руке.

Я дождалась, когда напряжение под пальцем ослабнет, и только тогда убрала ладонь.

Ильва медленно выдохнула. Всё её тело словно лишилось опорки; Дора удержала её на стуле, а я опустилась рядом на колени и посмотрела, не потеряла ли она сознание.

— Ильва?

— Слышу.

— Лучше?

— Рука... не тянет.

— Хорошо. Пока посидите. Вставать не надо.

На внешнем краю зажима проступила тонкая серая черта. Сигнал об остановке ушёл по связи к принимающему оборудованию. В дежурном журнале надзора теперь должны были увидеть вмешательство. Однако сидеть и ждать, пока кто-нибудь правильно поймёт запись, я не собиралась.

— Отметь время, — попросила я Дору.

— Без четверти двенадцать.

— И вызови надзор. Экстренный зажим, продолжающийся отбор до постановки, расхождение с копией. Нужна служба контуров. И лекарь.

Она положила перо.

— Посыльного найду внизу. Не вставай одна, Ильва, я сейчас вернусь.

Когда дверь закрылась, в комнате стало слышно, как капает вода с пальто на пол. Я принесла поддон, поставила его под спинку стула и подняла с коврика несколько меловых крошек.

— Это моя вина? — спросила Ильва.

Я подняла голову.

— Что именно?

— Вы сказали — вмешательство. Вы теперь должны сообщить. Я ведь пришла просто узнать.

— Сообщить об экстренной остановке обязана я. Вам не нужно было заранее понимать, что происходит с меткой.

— Гарт говорит, я сначала делаю, а потом думаю.

Она произнесла это почти без выражения, словно называла свой адрес.

Я подтянула стул и села рядом, чтобы не разговаривать сверху.

— Вы почувствовали, что вам плохо, и пришли за помощью. Сейчас это было правильное решение.

Ильва смотрела на руку. Белый след уже не казался нарисованным: он лежал чуть глубже кожи, ровно и спокойно.

— А если мне опять скажут идти домой и отдыхать?

Я взглянула на опись Доры, на отмеченную тёмную полосу и время ухудшения.

— У нас есть записи. Теперь им придётся объяснить, откуда взялась вторая нагрузка.

Я сказала это увереннее, чем чувствовала себя на самом деле.

Я достала удостоверение с серой полосой поперёк внутреннего разворота и положила рядом с журналом. Через полчаса или час сюда войдёт человек, который наверняка начнёт с этой полосы.

Ильва следила за мной.

— Я читала о вас, — сказала Ильва. — В старой газете. Там было написано, что ваше заключение не подтвердилось.

Я провела пальцем по краю удостоверения.

— Было такое дело. Теперь мой допуск ограничен. Предварительный осмотр и экстренная помощь разрешены, дальше понадобится решение суда.

— В другой конторе даже смотреть не стали. Попросили согласие мужа на запрос.

Она отвернулась к окну, а я составила вызов. Ильва знала о прежнем деле и всё-таки пришла ко мне.

Дора вернулась с юношей в слишком широком дождевике. Он поставил на пороге тяжёлую сумку с медной бляхой посыльной службы.

Он переминался с ноги на ногу, оставляя на досках мокрые следы. Дора велела ему поставить ноги на тряпку, забрала у меня вызов и переписала номер отрывной квитанции в журнал.

— Время приёма тоже, — сказала она.

— Там же часы стоят.

— Часы останутся здесь. Бумага уйдёт с вами.

Он поставил время, отделил квитанцию и сунул вызов в сумку.

— Сын переплётчика побежал за дежурным лекарем, — сказала мне Дора. — В приёмный дом. Посыльный отнесёт наш вызов в надзор.

Следующие полчаса ушли на записи и проверку описи. Я переложила копию в сухую папку и подписала обложку.

Ильва попробовала согнуть пальцы. Ей удалось взять чашку одной рукой.

Я захлопнула папку и подтолкнула к ней сахарницу.

— Немного сладкой воды. Если не тошнит.

Она покачала головой и позволила мне добавить сахар.

В журнале оставалась лишь моя отметка на рисунке. Полноценный отпечаток позволил бы показать второе соединение кому угодно, не заставляя верить мне на слово.

Я достала стеклянный щуп и лист плотной бумаги.

— Ещё один короткий замер, если вы разрешите, — сказала я Ильве. — Не расплетение.

Она протянула руку.

Я установила лист под запястьем и подвела щуп к внешнему краю зажима. Свободного доступа к шву не было. Чтобы получить отпечаток, пришлось бы чуть приподнять защитный край, всего на время касания.

Я задержала руку, прикидывая, с какой стороны это сделать.

— Щуп положите. Зажим не трогайте.

Голос прозвучал от двери.

Дора стояла в стороне, придерживая створку. Рядом с ней был высокий мужчина в тёмном дорожном пальто. С его волос на воротник стекла капля, но он не стряхнул её. Смотрел на мою руку.

— Вы могли постучать, — сказала я.

— Я постучал. У вас внизу работает пресс.

— Здесь идёт приём.

— По которому вызван надзор. Эдгар Роэн.

Я опустила щуп на стол.

Фамилия стояла на большинстве распоряжений о безопасности городских каналов. Серебряная скоба на его лацкане подтвердила то, чему мне не хотелось верить: на вызов явился сам начальник управления.

Дора закрыла дверь.

— Вы сами приехали на экстренный зажим? — спросила я.

— Я был у среднего моста. Дежурный передал ваше сообщение и отметку прибора. Они не совпали с зарегистрированным видом нагрузки. Решил посмотреть.

Он поставил на свободный край стола кожаный футляр.

— Снять отпечаток, ослабив зажим? — спросил он, взглянув на бумагу под запястьем Ильвы.

— Я ещё ничего не ослабляла.

— Вижу. Дальше — только с инженером.

Я посмотрела на Ильву. Она следила за нами, прижав здоровую руку к груди.

Я убрала щуп в шкатулку. Дора без просьбы закрыла её крышку.

Роэн перевёл взгляд на клиентку.

— Вы Ильва Саррен?

Она кивнула.

— Разрешите проверить временную защиту? Только прибором. Снимать её сейчас не стану.

— Да.

Он достал из футляра плоскую латунную скобу, раскрыл её и поставил вокруг запястья, не касаясь кожи. Между краями протянулась тонкая светлая черта. На шкале дрогнул указатель.

Роэн наклонился, повернул винт и записал показание на своей карточке.

— Когда поставлен зажим?

— Без четверти двенадцать, — ответила Дора.

— До этого что происходило?

Я потянулась к журналу, но он посмотрел на Ильву.

— Расскажите, пожалуйста, сами. Сколько сможете.

Она с трудом собрала пальцы на краю полотенца.

— Тянуло руку. Иногда до плеча. Сегодня стало трудно дышать. Госпожа Вейр остановила.

— До осмотра боль была?

— Была. Я сюда с перерывами шла.

Он уточнил, когда началась слабость и проверяли ли нагрузку прибором. Ильва отвечала медленно, иногда возвращалась к тому, что уже сказала. Роэн не торопил.

Потом попросил копию.

Я подала папку и осталась стоять у его плеча.

Он прочитал первый лист, проверил второй, вернулся к первому. На третьем задержался.

— Где отметка предварительного осмотра?

Дора развернула рисунок. Я указала на боковую линию.

— Здесь ещё одно соединение. В копии такого условия нет. Основное ограничение действует, боковой отбор идёт отдельно.

Роэн снова посмотрел на показание прибора.

Предупредив Ильву, он изменил положение двух маленьких контактов. Светлая черта разделилась на конце. Один отрезок потускнел, другой остался видимым.

— Прибор подтверждает вторую ветвь, — сказал он. — Назначение неизвестно.

— По этой копии никакой второй ветви быть не должно.

— В копии её нет. Что находится в действующем оригинале, мы ещё не видели.

Я сжала пальцы на спинке стула.

— Она с перерывами поднималась по лестнице, — сказала я. — Если вы отправите её домой с советом меньше работать...

— Я собирался подтвердить установку ограничителя. Дайте закончить осмотр.

Роэн выпрямился. Вблизи он оказался моложе, чем я ожидала по должности: усталые глаза, влажный воротник, чернильное пятно на сгибе указательного пальца. Я отступила на шаг, освобождая место.

Он вписал показания в акт и подписал разрешение на техническую защиту.

— Службе контуров сначала нужно закрыть приёмную сторону, — пояснил он. — Я передам подтверждение. Ограничитель поставят здесь, когда закончат проверку оборудования. Зажим до этого не ослаблять.

У меня разжались пальцы.

Я этого не заметила бы, если бы спинка стула не скрипнула, когда я отпустила её.

Роэн достал бланк и положил рядом с копией. Затем взглянул на моё удостоверение.

— Это ваше?

— Нет, я храню на столе чужое для устрашения клиентов.

Дора кашлянула.

Он поднял глаза. Я вздохнула и развернула удостоверение.

— Моё.

Роэн прочитал имя и отметку об ограничении допуска. Лицо у него не изменилось, но держал он бумагу чуть дольше, чем мне хотелось.

— Полное вмешательство вы проводить не вправе.

— И не проводила. Два предварительных касания и экстренный зажим. Всё записано.

— Попытка получить отпечаток через частично снятую защиту была бы другим действием.

Я открыла рот, потом закрыла.

Мне хотелось получить хорошее доказательство немедленно, пока никто не пришёл объяснять, что я опять что-то неверно поняла. Ради этого я чуть не приподняла действующую защиту.

— Да, — сказала я. — Была бы.

Роэн кивнул и вернул удостоверение на прежнее место.

— Зажим поставлен ровно. Его хватит до ограничителя.

После всего сказанного это прозвучало так неожиданно, что я не сразу нашлась с ответом.

Ильва первой нарушила молчание.

— Вы его оставите? То, что поставит инженер?

— До разбирательства и безопасного снятия спорной нагрузки, — ответил Роэн. — Сегодня к обычному отбору возвращаться не придётся.

Она опустила голову и закрыла лицо ладонью. Я хотела подвинуть ей полотенце, но Дора уже положила рядом чистое.

Пока ждали службу контуров, пришла лекарь. Невысокая женщина с тяжёлой сумкой прежде всего попросила убрать со стола бумаги и задала Ильве те вопросы, которые никому из нас не пришли в голову: ела ли она сегодня, когда в последний раз спала всю ночь, не кружится ли голова в положении лёжа.

Роэн и я вышли на площадку. Дора осталась помочь.

Снизу тянуло мокрыми плащами. Дождь усилился, у входа переплётчик поставил широкую лохань, и капли звонко били в её дно.

За дверью лекарь попросила Ильву медленно поднять здоровую руку. Я прислушалась. Роэн тоже повернулся к двери. Мы постояли молча, пока нас не позвали внутрь.

Лекарь рекомендовала Ильве провести ночь под наблюдением. Из-за долгого истощения она опасалась обморока, даже если отбор силы прекратится совсем.

— В приёмном доме есть место, — сказала она. — Решать вам, но одной сегодня оставаться не стоит.

Ильва посмотрела на часы.

— Мне надо предупредить мастерскую. Там ждут ткань.

— Я напишу под вашу диктовку, — предложила Дора.

Они составили записку. Ильва велела отменить выдачу заказа, не пускать никого к сушильне и запереть помещение обычным ключом. На слове «обычным» она слабо улыбнулась.

— Хотя что-нибудь пусть закроется без моей силы.

Дора подписала обратный адрес бюро и отправила записку с посыльным, которому предстояло принести ответ от помощницы Ильвы. Лекарь разрешила дожидаться ограничителя здесь, велела уложить Ильву и оставила указания до перевозки. Затем ушла готовить место. Мне стало легче: до этого я всё время боялась пропустить что-нибудь, чего мой дар не умел видеть.

Роэн ушёл согласовать остановку с дежурной сменой и передать предварительный акт в магистрат. Дора заняла его место у стола, развернув бумаги для заявления.

Я хотела сама проверить каждую строку, но в животе громко заурчало.

Обе женщины посмотрели на меня.

— С утра ничего не ела? — спросила Ильва.

— Вчерашний хлеб считается?

— Сходи в свою комнату, — сказала Дора. — Я умею записывать имя и адрес.

Ильва тихо засмеялась, придерживая больную руку. Я отступила к своей двери.

Я села на край кровати с хлебом и остатком сыра, стараясь не слушать, что говорили за стеной.

Дора спрашивала, какой адрес указать для связи. Ильва называла мастерскую. Потом сама попросила добавить, что домой возвращаться пока не намерена.

Я перестала жевать.

Из бюро донёсся спокойный Дорин голос:

— Это тоже запишем. Скажите своими словами.

Я доела хлеб. Никто не позвал меня исправлять заявление.

Ожидание затянулось на несколько часов. От Ильвиной помощницы принесли ответ: заказчика предупредили, сушильню отключили. Дора оставила бельё и смету до завтра. Мы закончили заявление, ещё раз проверили опись и дали Ильве полежать на моей кровати.

К ранним сумеркам вернулся Роэн. Вместе с ним женщина в рабочей куртке внесла ящик с инструментами. Я помогла Ильве дойти до клиентского стола.

— Инга Рут, городские контуры. Где наша остановка?

Роэн показал на стол.

— Вторая ветвь. Предварительное расхождение с копией. Зажим без четверти двенадцать.

Инга посмотрела на часы.

— Успеваем. Кто снаружи проверял приёмную сторону?

— Ваша смена у шкафа на Рыбном спуске. Подтверждение в пакете.

Она взяла лист, прочла и поставила свою отметку. После этого поздоровалась с Ильвой, вымыла руки и открыла ящик.

Ограничитель оказался узкой металлической пластиной с двумя застёжками. Никаких камней, затейливых узоров и торжественных надписей. Его подкладывали под матерчатую ленту, которая не должна была давить на запястье.

— Сразу полегчает? — спросила Ильва.

— Нового отбора не будет, — сказала Инга. — То, что уже потрачено, придётся восстанавливать. Лекарь смотрела?

Я передала оставленные указания.

Инга прочла и подвинула лампу к себе.

— Так. Сейчас главное — не двигать рукой. Если нужно пошевелиться, сначала скажите. Госпожа Вейр, вы ставили зажим?

— Я.

— Покажите место замыкания. Только покажите.

Я указала на стык белых дуг. Инга проверила его своим прибором и повернулась к Роэну.

— Здесь поддержите температуру. Без нагрева метки.

Он сел с другой стороны и взял металлический корпус между ладонями. Тёмная пластина перестала запотевать. Драконья магия в этот момент выглядела совершенно буднично: человек грел вещь, которой нельзя было остыть.

Я стояла у плеча Ильвы и следила за её лицом. Сказать что-нибудь полезное хотелось каждую минуту. Инга работала молча, и пришлось тоже помолчать.

Она закрепила пластину, сверила показания с переданным листом, дождалась условного сигнала в маленьком окошке прибора. Затем проверила ещё раз.

— Приёмная сторона закрыта. Теперь зажим.

Мел побледнел под её пальцами. Инга снимала защиту постепенно, наблюдая за шкалой. Я поймала себя на том, что задержала дыхание вместе с Ильвой.

Белые дуги исчезли.

Тёмная боковая линия осталась видимой, но больше не натягивалась под кожей.

— Всё, — сказала Инга. — Защиту оставляем. Саму связь мы пока не сняли. Ничего самостоятельно не снимать. Если лента намокнет, высушить ткань, пластину не греть и не натирать. Указания дам письменно.

Ильва осторожно пошевелила пальцами.

Инга позволила ей сделать это, потом измерила ещё раз и только тогда убрала прибор.

Я села на свободный стул. В затылке ныло: я несколько часов то и дело склонялась к Ильве, проверяя её состояние.

Роэн вытер руки и подписал акт технической остановки. Инга подписала следующий лист. Дора проверила, что у нас остаются оба экземпляра показаний.

Внизу снова ударил пресс, и бумаги чуть сдвинулись по гладкому столу. Я придержала их ладонью.

Пока Ильва одевалась, пришло уведомление из дежурной приёмной магистрата. Нас вызывали на следующее утро с копией договора, журналом предварительного осмотра и актом экстренной остановки. Дора расписалась, сохранила конверт вместе с доставочной отметкой и вписала номер в свою тетрадь.

Я перечитала перечень бумаг и назначенное время.

— В половине девятого, — сказала я Ильве. — Если лекарь разрешит вам прийти. Если нет, начну с документов.

— Я приду.

— Утром решите. Сегодня не нужно ничего доказывать лестнице.

Она застёгивала пальто. Пуговицы слушались её плохо, и после второй попытки Ильва позволила Доре помочь.

— Это не значит, что я передумала, — сказала она мне.

— Я поняла.

— Когда мне становится лучше, все считают, что можно оставить как было. Я не хочу.

Я достала подготовленное заявление. Ильва прочла каждую строку, спросила, где будет храниться её экземпляр, и подписала. Перо немного дрожало, однако фамилия получилась чёткой.

Я промокнула чернила и отдала ей копию.

У дверей Ильва прижала к груди плоскую папку с копией заявления.

Дора пошла проводить её до присланной из приёмного дома повозки. Инга спустилась вместе с ними.

В бюро остались мокрые следы, использованные полотенца и два осколка блюда, треснувшего ещё днём. Я обнаружила их, когда подняла чашку.

Роэн помог сдвинуть клиентский стол на прежнее место. За занавеской стало совсем темно.

— Оригинал будете запрашивать через магистрат, — сказал он. — Напрямую забирать его у Палаты не нужно.

Я взяла крышку чернильницы и аккуратно поставила на место.

— Это я знаю.

Он посмотрел на закрытую чернильницу, потом на меня.

— Хорошо.

Ни напоминания о серой полосе, ни вопроса, отчего я так резко ответила, не последовало.

Я сложила листы по порядку. Завтра придётся рассказать всё ещё раз. Доказать, что я увидела именно то, что записала. Объяснить, почему остановка была необходима. И на этот раз не повторить прежней ошибки с передачей оригинала.

— До завтра, госпожа Вейр, — сказал Роэн.

На лестнице послышались шаги. Я решила, что вернулась Дора, и повернулась за её плечом.

В дверях стоял незнакомый мужчина.

Он был без шляпы, в сухом, хорошо сшитом пальто. На пальцах — два кольца, на сапогах — свежая дорожная грязь. Под мышкой он держал папку, а в руке — лист с печатью приёмной Палаты.

Его взгляд прошёл по комнате, задержался на стуле с влажной спинкой и остановился на Роэне.

— Вот и вы. Прекрасно. Внизу мне сказали, надзор ещё здесь.

— Представьтесь, — попросил Роэн.

— Гарт Саррен. Я был в мастерской, оттуда меня отправили сюда. Где моя жена? Я вышла из-за стола.

— Она получила помощь. Сейчас отдыхает.

Саррен наконец посмотрел на меня.

— Значит, вы Вейр.

Он произнёс фамилию так, словно подтвердил неприятную подробность, на которую прежде не хотел тратить время.

— Я уже подал в Палату жалобу на ваши действия. Заехал туда по дороге.

Лист лёг поверх журнала приёмов. Я успела прочитать слова об опасном вмешательстве и причинении вреда семейному обязательству.

— Ильве стало плохо ещё до обращения ко мне, — сказала я.

— Ильва не разбирается в таких вещах. Поэтому прежде чем что-нибудь делать, вы должны были поговорить со мной.

— Она сама обратилась за помощью.

— Она сейчас не в состоянии принимать решения.

Я посмотрела на её подпись под заявлением. Чернила уже высохли.

Саррен придвинул жалобу ближе ко мне.

— Вы отзовёте бумаги. Я заберу жену, а последствия вашей помощи мы обсудим отдельно.

За его спиной появилась Дора. Она вошла и молча прикрыла за собой дверь, отсекая сквозняк с лестницы.

Я сняла жалобу с журнала, положила рядом и открыла чистую страницу для записи.

— Начнём с того, что Ильва собирается с вами развестись, господин Саррен.

Он даже не взглянул на заявление.

— Я этого не позволю.

— Ей не требуется ваше разрешение.

Глава 2. То, что было обещано

Гарт Саррен не повысил голоса. Он просто положил ладонь на край моего стола и посмотрел на заявление так, словно бумага совершила что-то неприличное в его присутствии.

— Моя жена не станет подавать на развод.

— Уже подала, — сказала я.

— Она больна.

— Поэтому сегодня находится под наблюдением лекаря.

— Вот именно. Значит, не может принимать серьёзных решений.

Я взяла заявление и убрала его в папку. Саррен проследил за моим движением.

— Госпожа Вейр, — произнёс он, — вы, кажется, не понимаете, во что вмешались. У нас с Ильвой общая мастерская. Договоры. Обязательства. Я вложил в её дело немало денег.

— Ильва говорила о вашей помощи с помещением.

— Помощи? — Он усмехнулся. — Я оплатил половину переезда, договорился о поставках, нашёл помещение с нормальной сушильной. Без меня она до сих пор выносила бы испорченную ткань из подвала. А теперь какая-то женщина решает, что ей можно просто уйти.

Последнее слово он произнёс с особенным недоверием.

Я уже встречала людей, которые считали оплаченный ремонт достаточным основанием распорядиться чужой жизнью. Но сейчас меня интересовало не его представление о семейной благодарности.

— Если у вас есть имущественные претензии, они рассматриваются отдельно.

— И кто заплатит за оборудование?

— Это предстоит установить по документам.

— А пока вы решили лишить меня законного обеспечения?

До этого момента Эдгар Роэн молча стоял возле окна. Теперь он повернулся.

— Обеспечение не снято, господин Саррен. Установлен временный ограничитель, поскольку нагрузка на вашу супругу представляла опасность.

— На основании слов госпожи Вейр?

— На основании показаний прибора и осмотра инженера городских контуров. Я заверил акт.

Саррен посмотрел на него. Впервые за всё время в его лице появилась осторожность.

— Разумеется, я не сомневаюсь в надзоре. Но согласитесь, начальник Роэн, жене следовало сначала обратиться ко мне.

— За медицинской помощью?

— За объяснением причин её состояния.

— У вас была возможность дать такое объяснение раньше, — ответил Роэн. — Сейчас мы проверяем действующую нагрузку.

Гарт выпрямился.

Его пальто было дорогим, но не новым. На манжете виднелся след недавно отпоротого знака торговой гильдии. Я заметила его только потому, что Саррен слишком резко поправил рукав.

— Значит, проверяйте, — сказал он. — А семейные дела оставьте семье.

— К семейным делам относится и решение вашей супруги о разводе, — заметила я.

Он повернулся ко мне.

— Я слышал о вас.

Дора перестала раскладывать квитанции.

— Очень многие слышали, — ответила я. — К сожалению, не все приносят с собой работу.

— В прошлый раз ваши заключения тоже звучали убедительно.

Я почувствовала, как под столом свело пальцы.

Саррен ждал ответа. Возможно, рассчитывал на спор. На оправдания. На то, что я начну доказывать ему свою квалификацию, вместо того чтобы заниматься документами Ильвы.

Два года назад я именно так и поступила бы.

— Мой профессиональный допуск указан в журнале, — сказала я. — Сегодняшние действия подтверждены надзором. Остальное рассмотрит магистрат.

— Магистрат рассмотрит и мою жалобу.

— Да.

Он нахмурился, словно я нарушила привычный порядок разговора, согласившись с очевидным.

— Где Ильва?

— Она в безопасности.

— Я её муж.

— Я знаю.

— Значит, назовите адрес.

— Попросите её разрешения на передачу адреса.

Гарт медленно выдохнул.

— Госпожа Вейр, вы издеваетесь?

— Нет. Я отвечаю на ваш вопрос.

Роэн взял со стола свой акт.

— Завтра утром назначено предварительное рассмотрение. Там вы сможете представить возражения. Госпожа Саррен получит возможность высказаться сама.

— Её сейчас легко убедить в чём угодно.

— Тогда не станем убеждать её заочно, — сказал Роэн.

Саррен перевёл взгляд с него на меня.

— Я найму поверенного.

— Это ваше право, — ответила я.

Он забрал свою папку. Жалобу оставил.

Уже у двери Гарт остановился.

— Ильва всегда возвращалась домой, когда успокаивалась. Думаю, и теперь будет так же.

Он посмотрел на заявление в моей папке.

— Не обещайте ей того, чего не сможете дать.

Когда за ним закрылась дверь, я заметила, что держу перо так крепко, что оно оставило красную вмятину на среднем пальце.

Дора подошла к окну и проводила Саррена взглядом.

— Сел в наёмный экипаж, — сообщила она. — Лошадь хорошая. Кучеру он ничего не заплатил вперёд.

— Ты собираешься выяснить его кредитную историю по лошади?

— Если потребуется.

Я хотела улыбнуться, но взгляд упал на оставленную жалобу.

Там было написано, что я произвела незаконное расплетение семейной клятвы, создала угрозу имуществу и воспользовалась болезненным состоянием Ильвы, чтобы склонить её к разводу.

— Красиво, — сказала я.

— Неправильно, — поправил Роэн.

Он подошёл ближе, взял лист за верхний угол и пробежал глазами.

— Здесь утверждается, что обязательство разорвано. У меня есть два измерения, подтверждающих обратное. До установки ограничителя и после.

— Но жалоба уже зарегистрирована.

— Регистрация жалобы не подтверждает изложенные в ней обстоятельства.

Я знала это. Даже могла бы прочитать соответствующее положение наизусть.

Однако читать обвинения против себя оказалось неприятнее, чем слушать их от Гарта.

Роэн протянул мне лист.

— Сохраните. В магистрат представьте вместе с актами.

— Я собиралась.

— Хорошо.

Он проверил застёжку футляра с прибором и надел перчатки.

У него были крупные руки с коротко остриженными ногтями. На правой перчатке разошёлся шов возле большого пальца. Ремонт явно откладывали давно.

Я посмотрела на шов и зачем-то подумала, что неплохо бы познакомить начальника драконьего надзора с порядочной швеёй. Потом вспомнила, что первая подходящая кандидатура сегодня едва не лишилась сознания из-за собственного мужа.

Не самое удачное начало для светских знакомств.

— Завтра вы будете в магистрате? — спросила я.

— Да. По технической части.

— Отлично.

Он поднял бровь.

— Это было сказано с таким выражением, будто я должен принести ещё один акт о вашей неправоте.

— Пока вы принесли только один акт о моей правоте. Не хотелось бы нарушать равновесие.

Роэн посмотрел на меня чуть дольше, чем требовалось для обычного ответа.

— Посмотрим, что покажут документы.

После его ухода Дора села напротив меня.

— Ты сегодня совершила две ошибки.

— Всего две?

— Первая: полезла к зажиму со щупом. Вторая: не поела до обеда.

— Мне кажется, первая несколько серьёзнее.

— Поэтому я назвала её первой.

Она отодвинула жалобу и достала чистый лист.

— Запишем всё по порядку, пока помним.

Я не стала возражать.

Мы внесли в журнал время прибытия Гарта, его требование сообщить местонахождение Ильвы, передачу жалобы и содержание разговора, имеющее отношение к делу. О личном мнении Саррена относительно моего характера Дора предложила не писать.

— Тогда половина разговора пропадёт, — заметила я.

— Суд переживёт.

На часах было почти девять вечера, когда мы закончили.

Дора забрала свой плащ, а я осталась у стола, перебирая бумаги.

Четыре листа договора. Заявление о разводе. Акт экстренной остановки. Подтверждение технического ограничителя. Медицинские рекомендации. Жалоба мужа.

И одна метка, в которой было больше соединений, чем объяснений.

Я погасила лампу.

Внизу уже не работал пресс. Переплётчик закрыл мастерскую, и дом впервые за день стоял тихо.

На подоконнике остывал нетронутый чай.

Я посмотрела на свою руку. Старый ожог на среднем пальце побелел от холодной воды, которой я смывала мел.

Два года назад у меня тоже была папка. В ней лежали измерения, показания свидетелей и один действующий оригинал, который я передала в Палату без независимой фиксации.

Когда документ вернулся, его содержание изменилось.

Доказать это я уже не смогла.

Тогда мне казалось, что главное — найти истину. Теперь я знала: истину ещё нужно суметь сохранить.

Я достала вторую пустую папку, надписала на обложке имя Ильвы Саррен и положила туда копии всех сегодняшних документов.

Первую папку закрыла в ящике. Вторую приготовила для магистрата.

Только после этого пошла спать.

Утром дождь закончился.

Ненадолго, как выяснилось.

К тому времени, когда я добралась до магистрата, мелкая морось снова оседала на воротнике и забиралась под шарф.

Здание магистрата находилось на площади Семи Колоколов. Его построили из светлого камня, который в сухую погоду казался почти белым. Осенью стены приобретали цвет старой костяной пуговицы.

Под аркой теснились просители, поверенные и посыльные. Из приёмной доносились споры о наследстве, невыплаченных подрядах и пропавшей телеге.

Я поднялась по широкой лестнице и нашла Дору у регистрационного окна.

Она уже успела получить два талона, расписаться в книге входящих и поссориться с чиновником из-за того, что тот хотел принять только одну копию медицинского заключения.

— У нас три, — сказала она, когда я подошла. — Одна для суда, одна для дела и одна на случай, если первая исчезнет.

— Ты не слишком доверяешь учреждениям.

— Я в них работала.

Дора показала на дальнюю скамью.

Там сидела Ильва.

Вчерашнее синее пальто было застёгнуто до самого горла. Под глазами лежали тени. Левая рука покоилась на коленях поверх аккуратно сложенного платка.

Рядом с ней стояла небольшая дорожная сумка.

— Вы пришли, — сказала я.

— Лекарь разрешила. Только велела не стоять долго.

— Здесь многие этого совета придерживаются даже без лекаря.

Ильва улыбнулась.

Я села рядом.

— Как прошла ночь?

— Спала. Представляете?

Она говорила об этом почти с удивлением.

— Проснулась один раз. Думала, опять начнётся. А рука тёплая. Я даже испугалась, что ограничитель перестал работать.

— Это хороший признак. Инга ещё вчера проверила отбор после установки.

— Да. Мне тоже объяснили. Но всё равно непривычно.

Она поправила рукав.

— Я привыкла просыпаться уставшей.

Мне захотелось спросить, сколько времени это продолжалось. Вчера она говорила о шести неделях после подписания приложения. Теперь, глядя на её лицо, я подумала, что усталость могла начаться раньше, ещё до того, как стало совсем плохо.

Но сейчас у нас было другое дело.

— Ваш муж пришёл ко мне вечером.

Ильва сразу перестала улыбаться.

— Он знает, где я?

— Я не говорила ему.

Она опустила глаза на платок.

— Он наверняка злится.

— Он подал жалобу. Сегодня её тоже рассмотрят.

— На вас?

— Да.

— Из-за меня.

— Из-за действий, которые он оспаривает. Не нужно брать на себя ответственность за его жалобу.

Ильва помолчала.

— Я почти вернулась вчера, — призналась она.

Я повернулась к ней.

— Когда приехала в приёмный дом, всё было тихо. Никто не спорил. Лекарь принесла суп, а я сидела и думала, что Гарт ведь действительно много сделал для мастерской. И что, наверное, я могла бы ещё потерпеть.

— Что вас остановило?

Она сжала платок здоровой рукой.

— Я попыталась вспомнить, когда в последний раз радовалась, что он возвращается домой.

Мы сидели молча.

За соседней скамьёй кто-то громко требовал отдельную очередь для представителей торговой гильдии. Регистратор повторял, что такой очереди не существует.

— Я не хочу, чтобы суд признал Гарта плохим человеком, — сказала Ильва. — Мне нужно, чтобы меня отпустили.

— Для самого развода этого достаточно.

— Вы уверены?

— Да.

Она медленно кивнула.

Дверь приёмной открылась.

— Дело Саррен. Предварительное слушание.

Дора встала первой. Я помогла Ильве подняться.

За столом в небольшой комнате сидела женщина с седыми волосами, собранными в тугий узел. Перед ней лежали три папки, счётная линейка и чашка с совершенно нетронутым чаем.

Судья Сера Келл.

Я знала её по нескольким постановлениям. В них не было ни одного лишнего слова, а исправления судья вносила так подробно, что нерадивые писари старались не попадаться ей на глаза.

Теперь она подняла голову.

— Госпожа Саррен?

— Да.

— Госпожа Вейр, представитель заявительницы по вопросу магического обязательства?

— Да. С ограниченным профессиональным допуском.

— Я вижу отметку. Госпожа Фенн, помощница?

— Веду опись, ваша честь.

— Проходите.

В комнате уже находился Гарт Саррен.

Он сидел рядом с незнакомым мне мужчиной в строгом сером костюме. На столе перед ними лежала папка с тиснением перевозческой гильдии.

Гарт встретился взглядом с женой.

— Ильва.

Она едва заметно кивнула и села рядом со мной.

Сера дождалась, пока секретарь проверит присутствующих.

— Сегодня мы рассматриваем заявление о временной защите от спорной нагрузки, возражения господина Саррена и ходатайство об истребовании действующего договора. Также в материалах имеется заявление о расторжении брака.

Она отделила один лист от остальных.

— Начнём с последнего. Госпожа Саррен, вы подавали это заявление добровольно?

— Да.

— Подпись ваша?

— Моя.

— Вы хотите прекратить брак?

Ильва взглянула на мужа.

Он чуть подался вперёд.

Я почувствовала, как она напряглась рядом со мной.

— Да, — сказала Ильва. — Хочу.

Сера поставила отметку.

— Ваше заявление принято к отдельному рассмотрению. Господин Саррен, если у вас есть возражения по имуществу, представите их в установленном порядке.

— Но у нас общий договор, — сказал Гарт. — Жена не может выйти из брака, не исполнив обязательства перед мастерской.

— Возможность прекратить брак не зависит от того, разрешён ли имущественный спор, — ответила судья. — Само обязательство мы будем рассматривать отдельно.

— А если после развода она откажется платить?

— Тогда вы представите документы, подтверждающие законный долг. Развод этого права у вас не отнимает.

Гарт откинулся на спинку стула.

Я почувствовала, как Ильва осторожно расправила пальцы на коленях.

Вопрос, ради которого она боялась прийти сюда, занял меньше пяти минут.

Дальше началось то, ради чего пришла я.

Сера развернула акт экстренной остановки.

— Госпожа Вейр, расскажите последовательность действий. Без выводов о виновных. Только то, что вы наблюдали и делали.

Я рассказала.

Сначала о состоянии Ильвы при приходе в бюро. О согласии на диагностику. О двух обнаруженных соединениях. О резком ухудшении и установке мелового зажима.

Сера слушала, почти не поднимая головы. Иногда останавливала меня, чтобы уточнить время.

Когда я дошла до технического ограничителя, дверь открылась и вошёл Эдгар Роэн.

Он передал секретарю два акта и коротко извинился за задержку.

— Продолжайте, госпожа Вейр, — сказала судья.

Я закончила рассказ.

— Был ли произведён разрыв действующего обязательства? — спросила Сера.

— Нет.

— Были ли действия, которые могли привести к такому разрыву?

Я почувствовала неприятный жар под воротником.

— После установки зажима я подготовила щуп для дополнительного отпечатка. Для него потребовалось бы частично приподнять защитный край. Начальник Роэн остановил меня до вмешательства.

Сера подняла глаза.

— Почему вы собирались это сделать?

Я могла бы сказать, что была уверена в безопасности. Что не намеревалась снимать защиту полностью. Что щуп обычно не влияет на нагрузку.

Всё это было бы правдой.

И всё это не отвечало на вопрос.

— Мне хотелось зафиксировать второе соединение до прибытия надзора, — сказала я.

— Я поспешила. Защиту не нарушила.

Секретарь записал ответ.

— Господин Роэн?

Эдгар встал.

— Подтверждаю. Щуп не был применён, зажим оставался целым. Последующие измерения не выявили нарушения его работы.

— Экстренная остановка была необходима?

— Да. Дополнительная нагрузка существовала, продолжалась и ухудшала состояние госпжи Саррен. Временное вмешательство было обоснованным.

Я посмотрела на него.

Он спокойно перечислял установленные факты. В его словах я не слышала ни попытки оправдать меня, ни упрёка.

Для меня это оказалось неожиданно приятным.

Поверенный Гарта поднялся.

— Ваша честь, даже при наличии второй нагрузки госпожа Вейр не обладает полным допуском к расплетению. Мы считаем опасным поручать ей дальнейшую работу.

— Полного расплетения она не проводила, — ответила Сера. — Вопрос о дальнейшем допуске рассмотрим отдельно. У вас есть возражения относительно показаний прибора?

Поверенный перелистнул листы.

— Нет. Однако происхождение второй нагрузки ещё не установлено.

— Именно поэтому назначается проверка.

Сера повернулась ко мне.

— Что вам требуется для определения происхождения?

— Действующий оригинал из Палаты клятв. Независимый гласный слепок условий, оглашённых перед подписанием. И техническая проверка направления отбора.

— Вы просите разрешения на расплетение?

— Пока нет. Без исследования оригинала я не могу определить, что именно следует отделять.

Сера записала несколько слов.

— Разумно. Инженер для технической части?

— Инга Рут, — ответил Роэн. — Она устанавливала ограничитель. У неё есть первичные показания.

— Госпожа Рут не подчиняется Палате?

— Она служит в городских контурах. Это отдельное управление.

— Тогда пригласим её.

Сера ещё раз просмотрела моё удостоверение.

— Госпожа Вейр, разрешаю вам проведение независимой диагностики действующего оригинала и связанных с ним формул в присутствии инженера Рут и судебного представителя. Полное расплетение пока запрещено. Любое изменение состояния оригинала допускается только по отдельному распоряжению.

— Понимаю.

— Доступ к гласному слепку предоставляется с согласия заявительницы. Госпожа Саррен?

— Согласна.

— Хорошо. Слушание по существу назначим после получения заключений. Господин Саррен вправе представить свои документы.

Гарт поднялся прежде, чем судья закрыла папку.

— Я хочу, чтобы суд учёл: моя жена не платила за помещение. Не платила за оборудование. Я обеспечивал её работу.

— Это будет иметь значение при рассмотрении имущественных требований, — сказала Сера. — Сейчас мы устанавливаем законность магического отбора.

— Если снять обеспечение, деньги не вернутся.

— Если обеспечение законное, вы сможете это доказать.

Гарт замолчал.

Я заметила, что Ильва смотрит на него не с прежним страхом, а с усталостью.

Сера поставила подпись.

— На сегодня всё.

Мы вышли в коридор.

Ильва остановилась возле окна, где в мутном стекле отражались люди, проходившие по лестнице.

— Я думала, мне придётся объяснять, почему я больше не люблю мужа, — сказала она.

— Суду это не нужно.

— А я всю ночь придумывала слова.

Она провела пальцем по краю рукава.

— Даже записала. На случай, если растеряюсь.

Я увидела сложенный листок в её сумке.

— Можете оставить его себе, — сказала я. — Иногда полезно иметь объяснение, даже если никто не требует его произносить.

Дора появилась с двумя заверенными листами.

— Разрешение на экспертизу и запрос в нотариальное хранилище. В Палату оригинал истребуют к завтрашнему утру.

Она протянула мне бумаги и понизила голос:

— И ещё кое-что.

— Что?

— Господин Саррен только что пытался выяснить у регистратора, кто назначил судью Келл.

— Выяснил?

— Конечно. Это написано на двери.

Я посмотрела на Дору.

Она невозмутимо сложила пустые конверты в сумку.

— Но выглядел он недовольным.

Ильва неожиданно засмеялась.

Первый раз я слышала её смех без усилия.

Мы проводили её до выхода. Приёмный дом прислал тот же экипаж, чтобы отвезти обратно. Ильва обещала отдыхать и прийти завтра только в том случае, если позволит лекарь.

Когда повозка уехала, Дора поправила воротник.

— А теперь за слепком?

— За слепком.

— По дороге зайдём за едой.

— Мы только что вышли из суда.

— Именно. Ты сегодня завтракала двумя сухарями.

— Три.

— Утешительно.

Нотариальное хранилище располагалось в старом здании бывшей счётной палаты, недалеко от речного порта.

Там всегда пахло воском, чистой тканью и влажной древесиной. Стены были обшиты тёмными панелями, а за стойкой висело объявление: «Гласные слепки не предоставляются для праздного прослушивания».

Под ним кто-то мелким почерком приписал: «Даже если голос покойной тётушки был прекрасен».

Я задержалась перед объявлением.

— Не смей, — сказала Дора.

— Я ничего не сказала.

— Ты уже придумала шутку.

Регистратор проверил судебное разрешение, согласие Ильвы и наши удостоверения.

Потом попросил подождать.

Мы ждали около сорока минут.

Дора успела составить перечень расходов на дело. Я успела узнать, что в нашем бюро хватит денег ещё на два месяца, если не покупать новый шкаф и не платить за рекламу.

— Шкаф нужен, — сказала я.

— Тогда реклама подождёт.

— Без рекламы клиентов не будет.

— Сегодня пришла Ильва.

— Одна клиентка.

— Одна клиентка, её муж, начальник надзора и половина магистрата. Для первого рабочего дня довольно людно.

Я не нашлась с возражением.

Наконец нас пригласили в комнату прослушивания.

Гласный слепок хранился в небольшом стеклянном цилиндре. Внутри виднелась тонкая металлическая нить, свёрнутая кольцом. На крышке стояли дата заключения договора, имена подписантов и печать нотариального хранилища.

Служащий поставил цилиндр на подставку.

— Запись содержит слова, произнесённые при оглашении условий, — предупредил он. — Она не фиксирует мысли, скрытые надписи и разговоры за пределами оформления.

— Понимаю, — ответила я.

— Прошу проверить номера.

Дора сверила каждую цифру с судебным запросом.

Служащий коснулся рычага.

Металлическая нить внутри цилиндра слабо засветилась.

В комнате раздался мужской голос:

— Госпожа Ильва Саррен, подтверждаете ли вы добровольное участие в расходах по переносу мастерской, приобретению сушильного оборудования и станка?

Голос был сухой, профессиональный.

Затем прозвучал ответ Ильвы.

— Да. Подтверждаю.

Я невольно подняла голову.

Её голос звучал совсем иначе, чем вчера. Уверенно, легко. В конце слышалась едва заметная улыбка.

Нотариус продолжил:

— Размер вклада не превышает одной десятой доступной силы в часы работы оборудования. Участие прекращается после полного расчёта за указанные приобретения. Согласны?

— Согласна. Только на эти расходы.

— Подтверждаете, что дополнительные обязательства не заявлены?

— Подтверждаю.

Послышалось негромкое шуршание бумаги.

— Приложение оглашено. Можете подписывать.

Нить погасла.

Я несколько мгновений не отрывала глаз от цилиндра.

— Повторить? — спросил служащий.

— Да, пожалуйста. Последние три ответа.

Он запустил запись с нужного места.

«Только на эти расходы».

«Дополнительные обязательства не заявлены».

Я слушала, стараясь отделить собственное возмущение от того, что действительно следовало из записи.

Ильва соглашалась отдавать часть силы в установленное время и на определённую цель. Ни о постоянном отборе, ни об обязательствах перед третьей стороной не говорилось.

Но одного этого пока было недостаточно.

В действующем оригинале мог существовать другой текст. Именно его предстояло увидеть.

— Могу получить заверенную копию слепка для дела? — спросила я.

— По судебному распоряжению. Один экземпляр для суда, второй для участника производства. Передача под расписку.

Дора уже протягивала ручку.

Служащий достал плоскую восковую пластину и провёл над ней стеклянным цилиндром. Воск на секунду потемнел. На поверхности выступили три тонкие параллельные линии.

Он опечатал пластину, поставил номер и занёс передачу в книгу.

Дора записала время, номер и состояние печати.

Мне оставалось только расписаться.

Я сделала это особенно аккуратно.

Два года назад я не считала нужным фиксировать каждую передачу. Теперь моя подпись появлялась на бумаге так часто, что к вечеру запястье начинало болеть.

Когда мы вышли на улицу, дождь прекратился.

На противоположном берегу разгружали баржу. Рабочие перекликались, поднимая на причал деревянные ящики.

Дора остановилась возле пекарни и купила нам по горячему пирогу.

Я откусила первый кусок прямо на ходу.

— Дождалась, — сказала она.

— Чего?

— Ты ешь.

— Это преступление?

— После вчерашнего дня — почти чудо.

Мы пошли вдоль реки.

У среднего моста стояла ремонтная повозка городских контуров. Рабочие проверяли крепления у каменной опоры. Под мостом гудела вода, тёмная и тяжёлая после осенних дождей.

Я вспомнила слова Инги о приёмной стороне нагрузки.

До вчерашнего дня мне не приходилось работать с городскими каналами. Я изучала семейные клятвы, ремесленные поручительства, наследственные обязательства. Их можно было представить как отдельные узлы, пусть иногда и сложные.

Городская система была другой.

Она соединяла много источников и много получателей. Ошибка в одном месте могла отозваться далеко от него.

— Ты думаешь о щите, — сказала Дора.

— О том, куда уходит сила Ильвы.

— На сушильню?

— По договору — да.

— А на самом деле?

Я посмотрела на рабочих у моста.

— Пока не знаю.

В тот же день мы встретились с Ингой Рут.

Она принимала нас не в кабинете, а в ремонтной комнате над насосной, куда мы добирались по узкой лестнице с металлическими ступенями.

На стенах висели схемы каналов, в ящиках лежали запасные крепления, а на подоконнике сохли три пары рабочих перчаток.

Инга стояла у большого стола и переписывала показания из журнала.

— Вейр, — сказала она, не поднимая головы. — Саррен ещё под ограничителем?

— Да. Сегодня была у врача.

— Хорошо.

Я передала ей судебное разрешение.

Инга прочитала его и отодвинула в сторону разобранный прибор.

— Завтра, значит, идём смотреть оригинал.

— Я хотела заранее понять, какую часть работы вы возьмёте на себя.

Она посмотрела на меня с заметным одобрением.

— Разумный вопрос. Обычно люди сначала лезут руками, потом выясняют, кого следовало вызвать.

— У меня был похожий день.

— Слышала.

Она вытерла ладони тряпкой и развернула схему.

На бумаге были изображены несколько кругов, соединённых линиями разной толщины.

— Это упрощённо, — предупредила Инга. — Без разрешительных контуров и аварийных клапанов. Иначе мы до вечера здесь просидим.

Она показала на первый круг.

— Источник. Человек, который добровольно отдаёт часть силы. Вот принимающее устройство. Между ними рабочая связь. Если всё оформлено правильно, нагрузка не превышает установленного предела.

— А если к связи добавили вторую ветвь?

— Тогда сначала выясняем, куда она ведёт.

Инга провела карандашом ещё одну линию.

— Вот здесь ошибка. Если ты возьмёшься за узел и просто снимешь его, энергия, которую принимало оборудование, может вернуться по открытому пути. Или ударить по соседнему участку.

— Поэтому ремонтный резерв.

— Именно. Мы переводим нагрузку на резервный контур, закрываем приёмную сторону, убеждаемся, что возврата не будет. И только потом ты занимаешься самой клятвой.

Она посмотрела на мои руки.

— Твоё дело — расплести. Моё — сделать так, чтобы после этого никому не пришлось строить новый мост.

— Обнадёживает.

— Я и стараюсь.

Дора записала последовательность.

— А почему действующие оригиналы держат в охлаждаемых футлярах? — спросила я.

Инга взяла со стола маленькую металлическую пластину.

— Когда формула под нагрузкой, рабочие линии нагреваются. Не сильно, но постоянно. Если хранить оригинал как обычную бумагу, через несколько лет начнёт портиться свидетельный слой. А если нагрев слишком резкий, может нарушиться устойчивость печати.

— То есть при осмотре нельзя просто вынуть листы и разложить на столе.

— Можно открыть футляр в защищённой комнате. По порядку. Сначала снимаем внешние показания, затем проверяем внутренние. Держать всё открытым часами нельзя.

— Кто будет отвечать за охлаждение?

— Я.

Дора подняла голову от записей.

— А за передачу документа?

— Судебный представитель и хранитель Палаты. Вы тоже будете фиксировать, раз уж пришли со своими тетрадями.

Дора посмотрела на неё почти ласково.

— Обязательно.

Инга обвела карандашом часть схемы.

— Ещё одно. Не пытайся определить получателя по одному ощущению. Ты умеешь находить соединение, но большие каналы проходят через распределители. Можно почувствовать направление, однако это не то же самое, что доказать конечный адрес.

— Я понимаю.

— Тогда завтра сработаемся.

Она свернула схему и потянулась к следующему прибору.

Я уже собралась уходить, когда на лестнице послышались шаги.

Вошёл Роэн.

Он нёс свёрнутый плащ и папку с печатью надзора.

— Вы здесь, — сказал он, увидев меня.

— Стараюсь узнать, как не разрушить городской щит.

— Полезное занятие.

Инга даже не подняла головы.

— Я ей уже объяснила, что у нас внизу не место для самостоятельных подвигов.

— Хорошо.

— А ещё я сказала, что ваше управление должно вовремя обновлять ограничители. Вчерашний работал чисто, но крепёж на складе старый.

Роэн положил папку на свободный край стола.

— Новые заказаны.

— Три недели назад.

— Завтра придут.

— Вот завтра и поговорим.

Я посмотрела на них.

Инга обращалась к начальнику драконьего надзора так, как Дора обращалась ко мне, когда я забывала поесть.

И он, кажется, давно привык.

Роэн заметил мой взгляд.

— У вас есть вопросы к завтрашнему осмотру?

— Один. Почему вы вчера приехали лично?

— Я был рядом со средним мостом. Дежурный передал данные. На приборе отображалась нагрузка, не соответствующая обычному ремесленному поручительству.

— И вы решили, что я её неправильно определила?

— Я решил, что требуется проверка.

Ответ не содержал ни извинения, ни упрёка.

Я подумала, что, пожалуй, другого и не хотела.

— Сегодня в суде вы подтвердили мои действия, — сказала я.

— Они были обоснованными.

— Но вчера вы остановили меня со щупом.

— И это тоже было обоснованно.

Инга коротко хмыкнула.

Я скрестила руки.

— У вас всё всегда так просто?

— Нет, — ответил Роэн. — Поэтому я предпочитаю простые ответы, когда они возможны.

Он взял папку и направился к Инге.

Я вышла вслед за Дорой.

На лестнице она остановилась.

— Не смотри на меня так.

— Как?

— Ты сейчас собираешься сказать, что он невыносим.

— Я собиралась сказать, что он привык командовать.

— Это заметно.

— И что разговаривает так, будто каждое слово прошло служебную проверку.

— Тоже заметно.

Я застегнула плащ.

— И что...

— Марта, — перебила Дора, — мы завтра ещё увидим его. Побереги впечатления.

Я промолчала.

Вечером мы вернулись в бюро и подготовили всё к осмотру.

Дора проверила копии и сложила каждую в отдельный конверт. Я перечитала гласный слепок в письменной расшифровке, полученной вместе с записью.

«Только на эти расходы».

Фраза была короткой.

Ильва произнесла её уверенно. Она точно знала, на что соглашалась.

Я переписала слова на отдельный лист, чтобы завтра не искать их среди остальных бумаг.

Дора заметила.

— Не забывай: запись подтверждает оглашённые условия, а не всё, что могло находиться в оригинале.

— Именно поэтому я её записала.

— Хорошо.

Она закрыла журнал.

— Завтра утром зайду к Ильве. Узнаю, как она себя чувствует. Потом сразу в Палату.

— Ей необязательно присутствовать при осмотре.

— Я скажу. Но решать будет она.

Мы погасили лампы.

Когда Дора ушла, я ещё немного посидела у окна.

На площади возле пекарни закрывали навесы. Мужчина в мокрой куртке помогал продавщице переносить корзины внутрь. Она что-то сказала ему, он засмеялся и поставил корзину на голову, изображая корону.

Обычный вечер.

Я вспомнила голос Ильвы на слепке.

Шесть недель назад она подписывала договор, надеясь улучшить мастерскую. Наверняка выбирала место для новых станков, считала расходы, представляла, как наконец избавится от сырости.

Мне хотелось увидеть действующий оригинал.

Очень хотелось.

Но ещё сильнее я боялась увидеть его и снова оказаться человеком, которому никто не поверит.

На следующий день Палата клятв встретила меня запахом холодного камня и дорогого полировочного масла.

Здание стояло на Верхней улице, недалеко от ратуши. Широкие окна, тяжёлые двери, белые колонны. На фасаде была высечена надпись: «Слово обязывает».

Кто-то из старых мастеров однажды заметил, что снаружи следовало бы добавить: «Поэтому читайте мелкий шрифт».

Палата шутки не оценила.

Я оценила.

Особенно теперь.

Внутри было тепло, но не жарко. Служащие в серых мундирах переходили от стойки к стойке, неся папки и футляры. Под потолком мерно двигались латунные стрелки часов.

Дора пришла чуть раньше меня.

— Ильва осталась в приёмном доме, — сообщила она. — Лекарь разрешила прогулки, но не разрешила долго сидеть. Она просила передать, что доверяет нам и ждёт известий.

— Как рука?

— Лучше. Вчера вечером даже пыталась чинить платье. Ей велели остановиться.

— Правильно велели.

— Надеюсь, она послушалась.

Дора посмотрела на большую лестницу.

— Судебный представитель уже здесь. Поднялся вверх.

Я посмотрела на часы.

Мы пришли за десять минут до назначенного осмотра.

Двери архива открывались только по письменному распоряжению. У стойки проверяли удостоверения и сверяли номера разрешений с журналом магистрата.

Регистратор долго рассматривал мою серую полосу допуска.

Потом поднял глаза.

— Госпожа Вейр, у вас ограничение на самостоятельную работу с действующими оригиналами.

— Поэтому со мной инженер и представитель суда.

— И всё же...

Я положила перед ним постановление Серы.

Он прочитал его. Затем ещё раз посмотрел на удостоверение.

— Поднимайтесь на третий этаж. Комната девять.

Мы прошли по коридору с высокими окнами.

Вдоль стен стояли шкафы, защищённые металлическими решётками. На каждой дверце висела табличка с номером отдела. Под ногами лежала светлая плитка, на которой любой след грязи выглядел почти как преступление.

Возле лестницы нас остановил мужчина в тёмно-зелёном сюртуке.

Я узнала его не сразу.

В газетах Северин Морн обычно стоял чуть боком, чтобы лучше было видно цепь Палаты на груди. Вживую цепь оказалась скромнее, а сам Морн — ниже, чем я ожидала.

Ему было около пятидесяти. Волосы, тронутые сединой, аккуратно зачёсаны назад. Лицо спокойное, с тем особенным выражением любезности, которое люди приобретают после многих лет общения с просителями.

— Госпожа Вейр, — сказал он.

Я остановилась.

— Господин Морн.

Он улыбнулся.

— Рад наконец познакомиться лично. Я видел ваше имя в документах. Сожалею, что обстоятельства не самые приятные.

Дора чуть сдвинула сумку к себе.

— Мы пришли на осмотр по судебному разрешению, — сказала я.

— Разумеется. И очень хорошо, что пришли. Нам важно решить вопрос госпожи Саррен как можно скорее.

Он указал на небольшую гостевую комнату.

— Не уделите мне несколько минут?

Я посмотрела на часы.

До осмотра оставалось семь минут.

— Если разговор касается дела, — сказала я, — госпожа Фенн останется с нами.

— Конечно.

Морн открыл дверь.

Комната была обставлена лучше многих квартир. На окнах висели тяжёлые шторы, у стены стоял шкаф с книгами, на низком столике — серебряный кофейник и четыре чашки.

Морн предложил нам сесть. Дора устроилась на краю стула и положила сумку на колени.

— Я ознакомился с жалобой господина Саррена, — начал он. — И с вашим предварительным заключением. Ситуация неприятная, но, возможно, гораздо проще, чем кажется.

— Каким образом?

— При регистрации сложных поручительств иногда возникают технические расхождения между копией и действующей формулой.

Я ждала продолжения.

— В таком случае Палата обычно предлагает административное исправление. Мы приводим запись в соответствие с подтверждёнными условиями, обеспечиваем безопасное прекращение ошибочной нагрузки и выдаём клиенту новую копию.

— Кто определяет, какие условия подтверждены?

— Наши специалисты.

— Те же, кто оформлял действующий договор?

Морн слегка улыбнулся.

— Не обязательно те же. У нас предусмотрен внутренний контроль.

— А первоначальный оригинал остаётся неизменным до окончания независимой экспертизы?

— Если дело урегулировано, необходимость в экспертизе может отпасть.

Я посмотрела на кофейник.

Крышка была украшена маленьким серебряным драконом, который с чрезвычайно важным видом держал в лапах хвост.

— Госпожа Саррен не просила урегулировать дело без исследования, — сказала я. — Она хочет установить, какие обязательства были активированы.

— Естественное желание. Я понимаю. Но не стоит превращать техническую неточность в публичный конфликт.

— Мы пока не знаем, техническая ли это неточность.

— Именно. — Морн наклонил голову. — И потому прошу вас соблюдать осторожность в выводах.

Я почувствовала знакомое напряжение в плечах.

Он говорил мягко. Даже доброжелательно. Однако каждое слово будто возвращало меня на два года назад.

Тогда тоже говорили об осторожности.

О необходимости не торопиться.

О том, что профессиональная репутация складывается годами и может пострадать из-за одного поспешного вывода.

— Я пока не делала выводов о причинах, — сказала я.

— Это похвально. Ваше прежнее дело было сложным, и я не хотел бы, чтобы вам пришлось снова проходить через подобное.

Дора открыла записную книжку.

— Господин Морн, правильно ли я понимаю, что вы предлагаете отказаться от независимой экспертизы и оформить исправление в порядке внутреннего контроля?

Он посмотрел на неё.

— Я предлагаю более быстрый путь решения проблемы госпожи Саррен.

— Вы можете изложить предложение письменно?

На этот раз улыбка Морна стала чуть тоньше.

— Разумеется.

— Тогда передайте его судебному представителю, — сказала я. — Мы покажем клиентке. Сейчас у нас назначен осмотр.

Морн помолчал.

— Мне нравится ваша настойчивость, госпожа Вейр.

Я встала.

— Надеюсь, завтра она понравится вам не меньше.

Дора тихо закрыла книжку.

Морн проводил нас до двери.

— И всё же подумайте, — сказал он. — Иногда люди приходят за помощью, а получают долгий спор, в котором уже не различают, чего хотели сначала.

Я остановилась.

— Ильва хочет прекратить незаконный отбор и узнать, что подписала. Пока она этого не получила.

Он кивнул.

— Тогда желаю вам удачи.

В коридоре я выдохнула так медленно, что Дора покосилась на меня.

— Записала? — спросила я.

— Всё существенное.

— Он даже не попытался скрыть, что знает о моём прошлом.

— Твоё прошлое есть в публичном реестре.

— Знаю.

Дора остановилась возле лестницы.

— Марта, он не обвинил тебя в новом нарушении. Он предложил внутреннее исправление. Такое предложение само по себе законно.

Я посмотрела на неё.

— Ты его защищаешь?

— Я отделяю то, что мы знаем, от того, что нам не нравится.

Я хотела возразить.

Но она была права.

Морн имел право предложить административное урегулирование. Я имела право отказаться. Пока ничего больше не произошло.

— Хорошо, — сказала я. — Запишем именно это.

На третьем этаже нас встретил судебный представитель — молодой мужчина с узким кожаным портфелем и таким серьёзным видом, словно его назначили охранять государственную казну.

Инга уже стояла возле двери девятой комнаты.

— Опаздываете, — сказала она.

— На две минуты раньше назначенного времени, — возразила Дора.

— Значит, успеваем.

Инга открыла инструментальный ящик.

Вслед за нами появился Роэн.

Сегодня он был без дорожного пальто, в тёмном мундире с узкой серебряной застёжкой.

Шрам у ключицы едва виднелся над воротом.

Он кивнул всем присутствующим, затем посмотрел на судебного представителя.

— Разрешение проверено?

— Да. Оригинал доставлен в комнату девять под охраной архивного хранителя.

— Тогда начнём.

Инга отперла дверь.

В комнате было прохладно.

На стенах висели медные трубки охлаждения. Под потолком тихо работал механизм, поддерживавший одинаковую температуру. В центре стоял широкий каменный стол, над которым была закреплена лампа с матовым стеклом.

На столе находился вытянутый футляр.

Деревянный снаружи, металлический внутри, с круглым стеклянным окошком и двумя печатями по краям.

Хранитель Палаты — пожилой мужчина с очень аккуратными усами — стоял рядом, держа журнал.

— Действующий оригинал договора Саррен, — объявил он. — Выдан из архивной ячейки номер четыреста восемнадцать. Время выдачи — девять часов сорок минут. Внешние печати не нарушены.

Судебный представитель сверил номера.

Дора записала их в свою тетрадь.

Я подошла ближе.

Под стеклом виднелась сложенная бумага. Вдоль её корешка проходила тонкая светлая линия действующей формулы.

Она едва мерцала.

— Прежде чем открыть футляр, — сказала Инга, — проверяем устойчивость. Госпожа Вейр, пока не касайтесь.

— Я и не собиралась.

Она посмотрела на меня.

Я решила не уточнять, что ещё вчера действительно собиралась бы.

Инга поставила прибор у бокового края футляра. Две стрелки качнулись, затем выровнялись.

— Нагрузка стабильна. Можно открыть внешний замок.

Хранитель снял первую печать, передал её судебному представителю, открыл застёжку и откинул наружную крышку со стеклянным окошком.

Вторая печать осталась на месте.

— Эта удерживает внутреннюю рабочую связку, — пояснил он. — Пока не трогаем.

Я наклонилась над открытым футляром.

Четыре основных листа были скреплены так же, как в копии Ильвы. Те же заголовки, тот же порядок пунктов. На третьем листе я увидела знакомую строку об участии в расходах мастерской.

— Можно поднять верхний лист? — спросила я.

Инга проверила показания.

— По одному. Хранитель, поднимайте.

Он осторожно приподнял первый лист деревянной лопаткой.

Я прочитала начало договора.

Всё совпадало.

Второй лист.

Тоже.

Третий.

Ограничение в одну десятую доступной силы в часы работы оборудования. Прекращение после полного расчёта. Те же условия, которые Ильва подтверждала на гласном слепке.

— Пока расхождений нет, — произнёс судебный представитель.

— В основной части, — уточнила я.

Четвёртый лист содержал подписи и отметку о регистрации.

Я проверила дату.

Шесть недель назад.

Ту самую, которую назвала Ильва.

Подпись была её. И характерный нажим на последней букве, и маленькое отклонение строки вверх совпадали с подписью на заявлении о разводе.

Никакой очевидной подделки.

Хранитель начал опускать лист.

— Подождите, — сказала я.

На нижнем краю бумаги виднелась узкая полоска другого материала.

Не совсем бумага.

Тонкая упругая лента, уходившая под корешок.

— Что это?

Хранитель нахмурился.

— Внутренняя связка приложения.

— Какого приложения?

— Должно быть указано в регистрационной описи.

Он открыл журнал.

Дора наклонилась ближе.

— В копии четыре листа, — сказала она. — Дополнительного приложения нет.

— Рабочие вкладыши иногда хранятся внутри корешка, — ответил хранитель. — Их не вынимают при обычном копировании, если они относятся к техническому обеспечению.

Я посмотрела на него.

— Но они входят в действующую формулу?

Он замялся.

— Если зарегистрированы как её часть.

Инга передвинула прибор.

— Сначала проверим, можно ли раскрыть внутреннюю связку. Без этого ничего не трогаем.

Она провела щупом по внешнему краю корешка.

Стрелка на шкале отклонилась.

Я почувствовала знакомое напряжение.

Тонкая боковая линия.

Та самая.

— Здесь, — сказала я.

Инга посмотрела на меня.

— Показывайте без касания.

Я указала пальцем на нижнюю часть корешка.

— Основная петля идёт вдоль листа. А второе соединение уходит сюда, под вкладку.

Инга изменила положение прибора.

— Вижу. Отдельная ветвь. Нагрузка сейчас заблокирована ограничителем, но сама запись действует.

Роэн подошёл ближе.

— Можно открыть вкладку под защитой?

Инга сверилась с показаниями.

— Да. Если не размыкать внутренний шов и поддерживать охлаждение.

Хранитель посмотрел на судебного представителя.

Тот развернул разрешение.

— Осмотр внутренних частей действующего оригинала предусмотрен. Разрешаю раскрытие без изменения формулы. Состояние фиксируется до и после.

Дора уже записывала.

Хранитель взял тонкую деревянную пластину и осторожно поддел край.

Полоска отогнулась.

Под четвёртым листом обнаружился небольшой дополнительный вкладыш.

Он был сложен вдвое и закреплён в корешке отдельной нитью. Снаружи на нём стояла отметка о техническом обеспечении. Изнутри проступали строки мелкого, плотного письма.

Я наклонилась ближе.

Инга направила свет.

В первой строке было написано:

«Дополнительное резервное поручительство».

Я почувствовала, как холод комнаты пробрался под воротник.

Ниже следовала формула, которая позволяла отбирать силу не только во время работы оборудования, но и при возникновении внешней потребности.

Без установленного в основном договоре ограничения.

Без указанного срока.

И главное — не для сушильни и станка.

Я медленно прочитала текст ещё раз.

— Здесь нет согласованного предела, — сказала я.

— Вижу, — ответил Роэн.

— И получателем указана не мастерская.

Инга проследила взглядом строку.

— Здесь стоит ссылка на внешний контур.

Судебный представитель наклонился над столом.

— Вы утверждаете, что это условие не оглашалось?

Я достала заверенную расшифровку слепка.

— Вот запись слов при подписании. Ильва подтверждала только расходы на мастерскую, сушильную и станок. Дополнительные обязательства были прямо исключены.

— Но подпись стоит на основном документе, — заметил хранитель.

— Именно, — сказала я. — При активации она коснулась действующего комплекта. Если вкладыш был связан с ним в этот момент, подпись запустила и дополнительную формулу.

Я посмотрела на дату регистрации рядом с внутренней нитью.

Она совпадала с датой заключения договора.

Вкладыш числился частью первоначальной рабочей связки.

Ильве прочитали одно. Подписала она комплект, в котором действовало другое.

Мне захотелось немедленно закрыть всё и побежать к ней. Сказать, что она не ошиблась.

Что не стала слабее от усталости или несчастливого брака.

Но пока мы видели лишь документы.

Нужно было сохранить их состояние.

— Дора, — сказала я, — записываем всё. Полностью. До того, как кто-нибудь начнёт объяснять, что это обычная техническая строка.

Она кивнула.

— Уже.

Судебный представитель достал чистый бланк.

Мы зафиксировали наличие вкладыша, его положение внутри корешка, отдельную нить, дату регистрации и текст поручительства.

Хранитель заверил, что внешний футляр поступил из архивной ячейки с неповреждёнными печатями. Инга подтвердила устойчивость формулы и отсутствие вмешательства при осмотре.

Роэн записал показания прибора.

Я провела короткую разрешённую диагностику вдоль открытого края. Не расплетая и не приподнимая внутреннюю нить, проверила направление связи.

Ощущение оказалось тем же, что в бюро: боковая нагрузка уходила отдельно от мастерской.

— Подтверждаю второе соединение, — сказала я. — Оно не подчиняется ограничению основной петли.

Инга проверила мою запись по прибору.

— Совпадает.

На этот раз никто не попросил меня поверить на слово.

Судебный представитель приложил чистый лист к рамке для защищённого отпечатка. Поверхность листа на мгновение стала прозрачной, затем проступило точное изображение вкладыша.

Оригинал при этом остался на месте.

Дора сравнила отпечаток с открытым текстом.

— Нижний край тоже, — попросила она.

Хранитель слегка переместил направляющую.

На новом отпечатке появилась последняя строка.

Я пригляделась.

Там стояло обозначение, которого не было ни в одной из копий Ильвы.

К-17.

Под ним — знак действующего канала и дата, совпадающая с регистрацией договора.

— Что это за номер? — спросила я.

Инга перестала складывать инструменты.

Роэн посмотрел на отпечаток.

Хранитель провёл пальцем по регистрационной описи.

— Внешний приёмный контур, — прочитал он. — Код К-17.

— Для мастерской зачарованной ткани? — уточнила Дора.

Инга покачала головой.

— Нет. Это обозначение городского канала.

Я снова посмотрела на внутренний вкладыш.

Ильва подписывала договор о сушильне и станке. Ночами лежала без сил, считая, что расплачивается за собственное оборудование.

А её магия уходила в городской канал.

— На копии этого нет, — сказала я.

— Нет, — подтвердил судебный представитель.

Роэн протянул руку за отдельным листом журнала.

— Нам потребуется проверить назначение К-17 и основание подключения.

Он говорил спокойно, но на этот раз не убрал взгляд от номера, пока не дописал последнюю строку.

Дора положила рядом оба документа: расшифровку гласного слепка и отпечаток скрытого вкладыша.

Я прочитала слова Ильвы.

«Только на эти расходы».

Потом посмотрела на бессрочное поручительство, которого ей никто не объяснил.

Теперь у меня было не просто ощущение второй нити.

У меня были два документа, которые противоречили друг другу.

И я собиралась сделать всё, чтобы ни один из них не исчез.

Глава 3. Право уйти

На четвёртое утро работы моего бюро я обнаружила, что совершенно не умею принимать хорошие новости.

Дора принесла их вместе с двумя горячими булочками, положила свёрток на стол и объявила:

— Ильва нашла квитанцию.

Я отложила расчёты за аренду.

— Какую квитанцию?

— Которая тебе понравится.

— Если она подтверждает, что хозяин дома решил снизить плату, я готова её полюбить.

— Не угадала.

Дора достала из сумки конверт.

На нём знакомым почерком было написано моё имя. Ниже — просьба передать лично в руки.

Я взяла конверт, но открывать не стала.

— Ильва разрешила?

— Она ждёт внизу. Хотела подняться сама, но я велела ей посидеть у переплётчика.

Пусть сначала просохнет.

Я посмотрела на часы.

До назначенного слушания оставалось чуть больше двух часов.

— Почему ты сразу не сказала, что она здесь?

— Потому что ты побежала бы по лестнице с этим конвертом в руках, а потом пришлось бы объяснять, почему первый успешный клиент бюро получил травму от собственного защитника.

Дора сняла плащ.

— И ещё потому, что завтракать тебе всё равно надо.

Я взяла булочку.

— Ты становишься невыносимой.

— Это результат многолетней практики.

Она вышла за Ильвой.

Я осталась возле стола, держа конверт между пальцами.

Бумага была плотной, хорошей. Такой пользовались торговые конторы, где считали каждую монету, но не жалели денег на впечатление.

На обороте сохранилась часть старой восковой печати.

Я узнала её не сразу.

Маленькая тележная ось внутри круга. Знак перевозческой конторы Гарта Саррена.

Дверь открылась.

Ильва вошла медленно, придерживая сумку здоровой рукой. На ней было то же синее пальто, только теперь под воротником виднелся светлый шарф. Волосы она аккуратно заплела, а на щеке появился слабый румянец.

Я поднялась.

— Как вы себя чувствуете?

— Лучше, чем вчера.

— Это ответ человека, который вчера еле добрался до кровати.

Она улыбнулась.

— Тогда гораздо лучше, чем позавчера.

Я помогла ей сесть.

Дора принесла чай. Ильва сняла перчатку с правой руки, осторожно обхватила чашку и несколько мгновений просто грела пальцы.

— Лекарь сказала, что мне можно выходить ненадолго, — объяснила она. — Я не нарушаю указаний.

— Хорошо.

— И шить пока нельзя.

— Это тоже хорошо.

Ильва посмотрела на меня с искренним возмущением.

— Ничего хорошего. У меня в мастерской три незаконченных заказа.

— У вас ещё есть мастерская. Заказы подождут несколько дней.

Она опустила взгляд на чай.

— Я вчера впервые подумала об этом именно так.

Я села напротив.

— О чём?

— Что у меня есть мастерская. Не у нас с Гартom. У меня.

Она провела большим пальцем по ручке чашки.

— Когда мы поженились, я уже шила. Маленькая комната над лавкой, два станка и вечная сырость. Гарт помог найти хорошее помещение. Я тогда была счастлива. Всё казалось началом новой жизни.

Я не перебивала.

— Потом появились счета, которые я не видела. Поставщики, с которыми он разговаривал без меня. Я спрашивала, сколько мы должны за сушильную, а он говорил, что не нужно забивать себе голову. Что моё дело — делать красивую ткань.

Она усмехнулась.

— Звучит почти заботливо, правда?

— Пока не понимаешь, что тебе перестали показывать собственные счета.

Ильва посмотрела на меня.

— Да.

Она поставила чашку.

— Вчера помощница принесла мне рабочие книги. Я попросила всё, что относится к переезду. Нам ведь придётся разбираться с имуществом. Сначала хотела сама проверить расходы, а потом нашла это.

Она указала на конверт.

— Он лежал между квитанциями за перевозку станков. Я раньше не видела.

— Вы уверены, что это документы вашей мастерской?

— Папка была наша, общая. Там мои счета и его расчёты. Я хранила её на полке в рабочей комнате. Но этот конверт Гарт положил туда сам. Я узнала его пометку на обороте.

Я попросила Дору приготовить опись.

Затем осторожно раскрыла конверт.

Внутри лежали два документа.

Первый — обычный платёжный ордер, выданный конторой «Десс и партнёры». Название было напечатано сверху мелкими зелёными буквами.

Второй — квитанция об оплате.

Я прочитала назначение платежа.

И перечитала.

— Дора, — сказала я, — подай, пожалуйста, вчерашний отпечаток вкладыша.

Она уже тянулась к шкафу.

На квитанции значилось:

«Расширенное обеспечение по договору Саррен. Подготовка дополнительного резервного поручительства. Услуги посредника».

Ниже стояли сумма, дата и номер заявки.

Оплатил Гарт Саррен.

Не совместная мастерская.

Не Ильва.

Гарт лично.

— Вы знаете эту фирму? — спросила я.

Ильва покачала головой.

— Никогда не слышала.

— А имя Романа Десса?

— Нет. Кто это?

— Пока не знаю. Посредник, судя по документам.

Я перевернула квитанцию.

На обороте стоял короткий рукописный номер.

Тот же, что был указан на внутреннем вкладыше действующего договора.

Совпадение можно было проверить без магии, без приборов и без моего сомнительного профессионального прошлого.

Достаточно было поставить две бумаги рядом.

Я так и сделала.

Ильва наклонилась, всматриваясь в цифры.

— Это значит, что Гарт заказал дополнительное поручительство?

— Документы указывают на это. В суде нужно подтвердить происхождение квитанции и выяснить, что именно ему продали.

— Но он говорил, что всё оформляет Палата.

— Возможно, посредник занимался подготовкой бумаг. Это ещё не делает каждую его услугу незаконной.

Ильва подняла голову.

— А то, что я не знала?

Я посмотрела на неё.

— Вот это уже имеет значение.

Она откинулась на спинку стула.

По лицу было видно, как отчаянно ей хотелось получить простой ответ.

Да. Муж обманул.

Да. Его накажут.

Да. Теперь всё будет хорошо.

Но я не собиралась обещать то, чего ещё не могла доказать.

— Нам нужно установить, что он заказал, — сказала я. — И что вам сообщили перед подписью. Для второго у нас есть запись. Для первого — теперь появилась квитанция.

— Вы думаете, он хотел забирать мою силу?

— Я думаю, он оплатил дополнительное оформление и не рассказал вам о нём. Остальное выясним.

Ильва какое-то время смотрела в окно.

Внизу переплётчик открыл дверь мастерской, и на улицу выплыло облако тёплого воздуха.

— Знаете, что самое обидное? — спросила она.

— Что?

— Я ведь согласилась бы помочь с долгами. Если бы он сказал честно, что не справляется. Мы могли бы продать старое оборудование. Переехать в другое помещение. Даже закрыть мастерскую на время.

Она сжала правую руку в кулак.

— Но он решил, что проще взять с меня, сколько понадобится.

Я не стала утешать её словами о том, что не все драконы такие.

Во-первых, она не спрашивала.

Во-вторых, у меня пока не было достаточной статистики.

Дора закончила опись и протянула Ильве лист.

— Подтвердите, пожалуйста, что передаёте нам эти документы для представления в магистрат. Оригиналы вернём под расписку.

Ильва подписала.

Я положила квитанцию в отдельную прозрачную папку.

— А теперь вам нужно отдохнуть.

— Но слушание...

— Через два часа. Успеете посидеть. Если станет плохо, скажете сразу.

Она кивнула.

Дора поставила перед ней вторую булочку.

— Ешьте.

Ильва посмотрела на неё.

— Вы всем так приказываете?

— Только тем, кто недавно едва держался на ногах.

— А госпоже Вейр?

— Особенно ей.

Я решила не участвовать в разговоре.

К половине одиннадцатого мы были в магистрате.

Сегодня коридоры казались ещё теснее.

Возле лестницы спорили два наследника, каждый из которых утверждал, что покойный дядюшка завещал ему семейный артефакт. Один требовал провести проверку завещания. Другой предлагал сначала проверить, не поддельный ли сам артефакт.

Чуть дальше молодая женщина плакала над потерянными документами, а секретарь объяснял ей, где получить дубликаты.

Обычный рабочий день.

Я подумала, что человеку, который приходит сюда с разрушенной жизнью, особенно трудно принять, что для учреждения это лишь одна папка среди сотен.

Ильва держалась спокойно.

Мы заняли скамью возле окна. Дора проверила наличие всех документов и только тогда позволила себе снять перчатки.

— Господин Саррен уже здесь, — заметила она.

Я посмотрела в сторону лестницы.

Гарт разговаривал со своим поверенным. Сегодня он был в тёмном костюме без гильдейского знака. Вид у него был усталый, но злой.

Увидев нас, он замолчал.

Потом направился прямо к Ильве.

— Нам нужно поговорить.

Она выпрямилась.

— Сейчас?

— До слушания. Без посторонних.

Дора подняла глаза от журнала.

— Можно воспользоваться комнатой для переговоров. Если госпожа Саррен захочет.

Гарт не обратил на неё внимания.

— Ильва, я вчера был дома. Ты забрала рабочие книги.

— Они нужны для расчётов.

— Ты могла попросить.

— Я попросила свою помощницу.

Он заметил папку у меня на коленях.

Его взгляд остановился на зелёном крае квитанции, выступавшем из прозрачного конверта.

На лице что-то изменилось.

Совсем немного.

Но я увидела.

— Где ты это взяла? — спросил он.

Ильва посмотрела на папку.

— В наших бумагах.

Гарт сжал челюсти.

— Это не имеет отношения к разводу.

— Тогда в суде будет легко объяснить почему, — сказала я.

Он повернулся ко мне.

— Я разговариваю с женой.

— И она вправе ответить.

Ильва медленно поднялась.

На мгновение я испугалась, что она потеряет равновесие. Но она удержалась, поправила шарф и посмотрела на Гарта.

— Я не хочу говорить с тобой наедине.

— Ильва...

— Не сейчас.

Он явно не ожидал этих слов.

— Ты понимаешь, что делаешь?

Она закрыла глаза на короткую секунду.

— Да.

Её голос дрожал.

Но она не отступила.

Гарт хотел сказать что-то ещё, однако поверенный коснулся его локтя.

— Господин Саррен. Нам лучше подготовиться.

Мужчина посмотрел на Ильву, затем на меня и ушёл.

Она села.

Дора молча налила ей воды из маленького дорожного флакона.

Я смотрела на дверь зала.

Мне хотелось похвалить Ильву, сказать, что она молодец, что поступила правильно.

Но откуда мне было знать, насколько тяжело ей дались эти несколько слов?

Поэтому я просто спросила:

— Хотите немного посидеть в тишине?

Она кивнула.

Мы посидели.

Сера Келл начала слушание ровно в назначенное время.

На столе перед ней лежали наши материалы. Судья проверила присутствующих, выслушала краткий доклад секретаря и сразу перешла к делу.

— Госпожа Вейр, вчера вы получили доступ к действующему оригиналу. Представьте заключение.

Я встала.

— При независимом осмотре обнаружен внутренний вкладыш, связанный с рабочей формулой договора. Он содержит дополнительное резервное поручительство без ограничения, предусмотренного основным текстом.

Сера посмотрела на меня поверх очков.

— Как установлена его связь с действующим договором?

— По внутренней нити, регистрационной отметке и технической диагностике. Инженер Рут подтвердила отдельную ветвь нагрузки прибором. Состояние оригинала зафиксировано судебным представителем.

— Оригинал изменялся?

— Нет. Вкладыш раскрыли без нарушения рабочего шва.

Секретарь передал судье заверенный отпечаток.

Я продолжила:

— Содержание вкладыша не соответствует условиям, оглашённым при подписании. Гласный слепок подтверждает ограниченное участие госпожи Саррен только в расходах на мастерскую.

— Вы утверждаете, что госпожа Саррен не давала согласия на дополнительную ветвь?

— Я утверждаю, что в записи оглашения такого условия нет. Госпожа Саррен также отрицает согласие.

Сера повернулась к Ильве.

— Подтверждаете?

— Да.

— Вы видели дополнительный вкладыш перед подписью?

— Нет.

— Вам объясняли, что часть вашей силы может уходить в городской канал?

Ильва подняла голову.

— Нет. Я согласилась платить за сушильную и станок. Мне сказали, что больше установленного предела забирать не будут.

Сера сделала отметку.

— Господин Саррен, хотите дать объяснения?

Гарт поднялся.

Его поверенный передал ему лист, но тот не посмотрел в него.

— Моя жена прекрасно знала, что оборудование дорогое. Когда мы переносили мастерскую, пришлось взять обязательства перед перевозчиками и поставщиками. Я занимался финансами, потому что Ильва в них не разбирается.

— Вопрос был о дополнительном поручительстве, — напомнила судья.

— Я заказал оформление через посредника. Это обычная практика.

Я посмотрела на Дору.

Она сидела неподвижно, только перо зависло над страницей.

Гарт продолжил:

— Десс занимался документами. Я попросил обеспечить исполнение договора, чтобы поставщики получили гарантии. Мне не объясняли, что там будет какой-то городской канал.

Сера подняла глаза.

— Следовательно, вы признаёте, что заказали расширенное обеспечение?

— Я заказал нормальное оформление обязательств.

— В том числе дополнительное поручительство?

Гарт помолчал.

— Да. Но в интересах семьи.

Судья перевернула лист.

— Госпожа Саррен была уведомлена?

— Она знала о долгах.

— О дополнительном поручительстве?

— Мы обсуждали расходы.

— Это другой вопрос.

Гарт взглянул на жену.

— Ильва, я же говорил тебе, что нам нужно больше времени на расчёты.

Она сжала край платка.

— Ты говорил, что всё под контролем.

— Так и было.

— А почему я падала от усталости?

Он отвернулся.

— Потому что работаешь без отдыха. Я сто раз говорил.

Я почувствовала, как внутри поднимается знакомая злость.

Сера подняла ладонь.

— Господин Саррен, прошу отвечать суду, а не спорить с заявительницей.

Гарт выпрямился.

— Я не знал, что нагрузка окажется такой большой.

— Это отражено в документах?

— Мне объясняли, что обеспечение будет действовать при необходимости.

— Кто объяснял?

— Сотрудник конторы Десса.

— Вы можете назвать его?

— Сам Десс. Роман Десс.

Секретарь записал имя.

Сера повернулась ко мне.

— Вы заявляли о новом документе.

Я передала квитанцию.

— Госпожа Саррен обнаружила её среди общих хозяйственных бумаг. Передача зафиксирована сегодня утром. Квитанция выдана конторой «Десс и партнёры» за подготовку дополнительного поручительства.

Судья осмотрела бумагу.

— Господин Саррен, это ваш платёж?

Гарт посмотрел на квитанцию.

— Да.

— Оплата произведена из ваших личных средств?

— Да.

— Почему вы не сообщили супруге о новом обязательстве?

Он помолчал.

— Не считал нужным обсуждать технические подробности.

Ильва медленно закрыла глаза.

Я смотрела на её лицо, а не на мужа.

Никакого удивления там уже не было.

Только усталость.

— Технические подробности, — повторила Сера. — Вы понимаете, что дополнительное поручительство позволяет отбирать магическую силу вашей супруги сверх ограничений основного договора?

— Сейчас понимаю.

— А при оформлении?

Гарт замялся.

— Мне сказали, что это резерв.

— Вы поинтересовались, откуда будет поступать резервная энергия?

— Я не специалист по магии.

Судья сделала запись.

— Но вы понимали, что обеспечением служит сила вашей супруги?

— Да.

— И не сообщили ей о расширении?

Он сжал кулаки.

— Я действовал ради общего дела.

Сера отложила перо.

— Господин Саррен, мотив не заменяет согласия.

В комнате стало очень тихо.

Даже секретарь перестал перелистывать бумаги.

Судья продолжила:

— Перед нами действующий договор, нотариальная запись оглашённых условий, подтверждённый дополнительный вкладыш и квитанция об оплате его оформления. Вы также признали, что не сообщили супруге о расширении обеспечения.

Она посмотрела на Ильву.

— Госпожа Саррен, вы согласились бы подписать дополнительное поручительство, если бы знали его содержание?

Ильва несколько мгновений молчала.

Я видела, как трудно ей подобрать слова.

— Я не знаю, — сказала она наконец.

Гарт резко поднял голову.

Ильва продолжила:

— Если бы Гарт объяснил, что у нас долги, я бы посмотрела счета. Может быть, согласилась бы помочь. Но я не стала бы подписывать обязательство без срока и без ограничения. Особенно если бы мне сказали, что сила будет уходить не на мою мастерскую.

Она сглотнула.

— Я не давала такого согласия.

Сера кивнула.

— Ответ принят.

Поверенный Гарта поднялся.

— Ваша честь, мы просим учесть, что прекращение обеспечения может причинить значительный имущественный ущерб моему доверителю и поставщикам.

— Законные обязательства сохраняются, — ответила судья. — Никто не освобождает стороны от подтверждённых долгов. Мы рассматриваем поручительство, возникшее без осознанного согласия лица, чьей силой оно обеспечено.

— Но если обеспечение будет снято...

— Тогда ваши требования будут рассматриваться в имущественном порядке.

Она произнесла это совершенно спокойно.

Я подумала, что Сера Келл умеет делать невозможное: говорить человеку неприятную правду так, что спорить становится неловко.

Однако Гарт всё-таки попробовал.

— А если мастерская не сможет платить?

— Представьте расчёты.

— Если Ильва откажется работать?

— Это её решение.

— Если она вообще закроет дело?

Сера сняла очки.

— Господин Саррен, вы вправе требовать исполнения законных договоров. Вы не вправе заставлять человека поддерживать предприятие своим здоровьем против его воли.

Он опустился на стул.

Я увидела, как Ильва сжала руку Доры под столом.

Сера снова надела очки.

— Теперь техническая часть. Господин Роэн, госпожа Рут, прошу представить заключение о безопасном прекращении незаконной нагрузки.

Роэн поднялся.

Инга встала рядом с ним, держа под мышкой узкую папку.

Вместо обычного перечня показаний они принесли схему.

Инга развернула её на столе.

— Действующий оригинал содержит две рабочие ветви, — объяснила она. — Первая связана с ограниченным участием госпожи Саррен в расходах мастерской. Вторая подключена к внешнему приёмному контуру К-17.

Сера посмотрела на схему.

— Можно ли прекратить вторую ветвь, не нарушив первую?

— Да, — ответила Инга. — При соблюдении порядка отключения.

— Опишите.

Инга указала на две линии.

— Сначала городская служба блокирует приём энергии от спорного поручительства. Нагрузку принимающего оборудования переводят на предусмотренный резерв. Затем проверяем, что обратного сброса не будет. После этого специалист по клятвам отделяет дополнительную рабочую нить от основного договора.

— Сколько времени займёт процедура?

— Подготовка около двух часов. Само расплетение зависит от сложности узла.

— Какие риски?

— При преждевременном разрыве возможен возврат энергии по активной линии. Это может повредить метку госпожи Саррен и приёмное оборудование.

Гарт сразу поднял голову.

— Вот! Вы сами говорите, что это опасно.

Инга повернулась к нему.

— Опасно делать неправильно. Именно поэтому мы готовим резерв и работаем по решению.

— А если она ошибётся? — спросил Гарт, указывая на меня.

Я почувствовала, как у меня похолодели ладони.

Роэн ответил раньше, чем я успела открыть рот.

— Госпожа Вейр первой выявила дополнительную ветвь. Её заключение подтверждено нашими приборами и независимым осмотром.

— У неё ограниченный допуск!

— Поэтому она и запрашивает специальное разрешение.

Гарт посмотрел на судью.

— Я не хочу, чтобы моя жена стала предметом эксперимента.

Ильва вдруг поднялась.

Слишком резко.

Я потянулась к ней, но она удержалась за стол.

— Гарт, — сказала она, — хватит.

Он замолчал.

— Я не вещь, которую вы оба обсуждаете.

Она повернулась к Сера.

— Ваша честь, я понимаю, что процедура опасная. Мне объяснили. Но сейчас я тоже не могу нормально жить. Если есть безопасный способ снять то, чего я не подписывала по своей воле, я хочу, чтобы его провели.

Сера несколько секунд смотрела на неё.

— Садитесь, госпожа Саррен. Ваше желание зафиксировано.

Ильва села.

У меня перед глазами на мгновение расплылся край стола.

Я вдохнула и медленно выдохнула.

Теперь решение зависело от судьи.

Сера просмотрела заключения.

Затем закрыла папку.

— Суд разрешает безопасное снятие дополнительного поручительства, установленного без надлежащего согласия госпожи Саррен.

Я затаила дыхание, вслушиваясь в решение.

— Процедура проводится специалистом Мартой Вейр в пределах специального разрешения, под техническим контролем инженера Инги Рут и наблюдением драконьего надзора. Состояние оригинала и результат фиксируются независимо.

Секретарь быстро записывал.

— Законная часть договора остаётся предметом отдельного рассмотрения. Автоматический отбор по ней временно приостанавливается до определения имущественных обязательств. Это не означает погашения долга.

Гарт открыл рот, но Сера подняла палец.

— Решение принято. Возражения можете обжаловать установленным порядком. Экстренная защита сохраняется до выполнения процедуры.

Она повернулась к Ильве.

— Ваше заявление о разводе рассмотрено. Оснований удерживать брак против вашей воли не установлено. Постановление о расторжении будет направлено в регистрационную канцелярию сегодня. Имущественные требования рассматриваются отдельно.

Ильва не двигалась.

Я осторожно коснулась её плеча.

Она повернулась ко мне.

— Всё?

— Почти, — сказала я. — Осталось выполнить процедуру и получить документы.

Она кивнула.

Потом неожиданно засмеялась.

Тихо, срывающимся голосом.

И закрыла лицо ладонями.

Когда мы вышли из зала, Гарт догнал нас возле лестницы.

— Ильва, подожди.

Она остановилась.

Я осталась рядом, но не вмешивалась.

Он выглядел растерянным. Не злым, как утром, а именно растерянным — словно привычная дверь оказалась запертой и он не мог понять почему.

— Ты правда собираешься всё разрушить? — спросил он.

Ильва посмотрела на него.

— Что именно?

— Нашу жизнь.

Она не ответила сразу.

Потом осторожно сняла правую перчатку.

— Гарт, ты когда-нибудь видел, как я работаю?

Он нахмурился.

— Конечно.

— Нет. Не как я показываю готовую ткань. Как я выбираю нить, закрепляю рисунок, исправляю ошибку. Ты хоть раз сидел рядом и смотрел?

— У меня своя работа.

— Вот именно.

Она спрятала перчатку в сумку.

— Ты всё время говорил, что заботаешься обо мне. Покупал оборудование, договаривался с поставщиками, решал вопросы. А потом решил, что можешь распоряжаться и тем, сколько моей силы уйдёт на твои расчёты.

— Наши расчёты.

— Тогда почему я ничего не знала?

Он отвёл глаза.

— Я хотел, чтобы тебе было легче.

Ильва посмотрела на него с таким выражением, что у меня сжалось сердце.

— Мне было бы легче знать правду.

Гарт несколько мгновений молчал.

— Я могу всё исправить.

— Нужно было сказать это раньше.

— Мы столько лет вместе.

— Да.

Она опустила руку.

— Поэтому мне так трудно уйти.

Он сделал шаг ближе.

— Тогда не уходи.

Ильва покачала головой.

— Я уже решила.

Она повернулась к лестнице.

Гарт не остановил её.

Мы пошли вниз.

На втором пролёте Ильва вдруг попросила:

— Можно минутку посидеть?

Дора сразу нашла скамью у окна.

Я опустилась рядом.

Ильва смотрела на свои руки.

— Я думала, почувствую радость, — сказала она. — А мне страшно.

— Чего именно?

— Всего. Денег. Мастерской. Что он начнёт требовать. Что окажется прав насчёт расходов. Что я сама не справлюсь.

Я не стала говорить, что всё будет хорошо.

Вместо этого достала лист и положила ей на колени.

— Вот что мы уже знаем. Ваш брак прекращается. Спорная магическая нагрузка будет снята сегодня. Законные долги нужно проверить, но их нельзя просто объявить бесконечными. Мастерская принадлежала вам до переезда, и документы на неё у вас есть.

Ильва посмотрела на список.

— А дальше?

— Дальше решать будем по каждому вопросу отдельно. Не все сразу.

Она медленно провела пальцем по первой строке.

— Я давно не составляла планов без Гарта.

— Можно начать с небольшого.

— Например?

— Поесть. Отдохнуть. Завтра решить, какие заказы вы действительно можете выполнить.

Она усмехнулась.

— У вас всё время получается вернуть разговор к еде.

— Это профессиональная особенность моей помощницы.

Дора, сидевшая с другой стороны, невозмутимо поправила сумку.

— И очень полезная.

Подготовку назначили на два часа дня.

Работать предстояло в защищённой комнате Палаты. Действующий оригинал оставался в архивном футляре, а связь с принимающим городским оборудованием контролировали удалённо через служебные приборы.

Я успела вернуться в бюро за инструментами.

Дора сопровождала Ильву в приёмный дом, чтобы та поела и получила разрешение лекаря на процедуру. Встретаться мы должны были уже в Палате.

Оставшись одна, я открыла шкатулку.

Внутри лежали три тонких серебряных крючка, костяная пластина для отделения формул, маленький нож с тупым лезвием и несколько полосок чистого льна.

Обычный набор для расплетения.

Ничего впечатляющего.

Моя первая наставница говорила, что хороший специалист по клятвам похож на хорошую швею: никто не замечает его работы, пока шов держится.

Я провела пальцем по старому ожогу.

Два года назад мне казалось, что для успеха достаточно правильно увидеть ложь.

Теперь я знала: главное — не повредить правду, пока пытаешься отделить её от обмана.

Я проверила крючки.

Первый был тонким, почти невесомым. Второй имел маленький изгиб у конца. Третий предназначался для работы с плотными связками, где формула за годы словно прирастала к бумаге.

Мне нужен был второй.

Я положила его отдельно.

Затем достала чистый лист и ещё раз переписала последовательность действий.

Первое: Инга подтверждает остановку приёмной стороны.

Второе: надзор проверяет устойчивость резерва.

Третье: я определяю границу между основной формулой и дополнительным поручительством.

Четвёртое: отделяю навязанный узел, не повреждая законную часть договора.

Пятое: инженер подтверждает отсутствие обратного сброса.

Шестое: фиксируем результат.

Я перечитала список.

Ничего нового.

Но от этого легче не стало.

Я слишком хорошо помнила ощущение силы, которая возвращается по неправильно разомкнутой связи. В молодости мне довелось однажды увидеть такую ошибку.

Мастер тогда потерял чувствительность в двух пальцах.

Клиентка — способность слышать собственную магическую метку.

Оба остались живы.

Но я запомнила их лица.

Тогда наставница сказала мне:

«Не бойся силы. Бойся спешки».

Я убрала инструменты в шкатулку.

Проверила замок.

И только потом позволила себе сесть.

За окном шёл дождь.

Я смотрела на мокрые крыши, пока часы не пробили час.

Нужно было идти.

В Палате нас ждали Инга, Роэн и судебный представитель.

Ильва сидела в небольшом кресле возле стены. Лекарь разрешила ей пройти процедуру, но настояла, чтобы после неё женщина вернулась под наблюдение.

На столе лежал действующий оригинал.

Сегодня его подготовили для работы иначе.

Футляр закрепили на специальной подставке. Рядом стояли два прибора Инги, между которыми проходила тонкая металлическая лента. На дальней стене висела схема распределения нагрузки.

Роэн проверял записи дежурной смены.

Когда я вошла, он поднял голову.

— Госпожа Вейр.

— Начальник Роэн.

— Готовы?

Я посмотрела на инструменты в своей шкатулке.

— Насколько можно быть готовой к работе, за которую уже подали жалобу.

Угол его рта едва заметно дрогнул.

— Жалоба не отменяет разрешения суда.

— Утешительно.

Инга хлопнула папкой.

— Если вы закончили обмен любезностями, давайте работать.

Я не смогла удержаться от улыбки.

Роэн, кажется, тоже.

Ильва наблюдала за нами с осторожным интересом.

Я подошла к ней.

— Прежде чем начнём, ещё раз объясню, что будем делать.

Она кивнула.

— Сначала городские контуры остановят приём силы по спорному поручительству. Затем я отделю дополнительную нить от основной клятвы. Законная часть останется в документе, но её отбор будет приостановлен по постановлению суда до расчёта имущественных обязательств.

— То есть после этого у меня совсем не будут забирать силу?

— По этим обязательствам — нет, пока действует судебная защита. Но если позже выяснится законный остаток долга, его придётся урегулировать отдельно.

— Я понимаю.

— Само расплетение может быть неприятным. Вы почувствуете тепло, иногда — давление в руке. Сильной боли быть не должно. Если она появится, сразу скажете.

Ильва посмотрела на белую полосу ограничителя.

— А вы уверены, что сможете?

Я могла ответить уверенно.

Сказать, что делала это много раз.

Что всё просчитано.

Что бояться нечего.

Но она заслуживала лучшего ответа.

— Я знаю, что именно нужно отделить, — сказала я. — Инга подготовила защиту. Роэн контролирует безопасность принимающей стороны. Мы не начнём, пока все не подтвердят готовность. Риск есть, но мы предусмотрели действия на случай осложнений.

Ильва посмотрела на каждого из нас.

Потом протянула руку.

— Тогда давайте.

Я проверила её согласие ещё раз, уже для записи судебного представителя.

Он поставил время.

Инга подошла к прибору.

— Приёмная сторона подготовлена. Ожидаем подтверждения резерва.

Роэн взял тонкую металлическую пластину, приложил к контрольному разъёму и на мгновение закрыл глаза.

Воздух вокруг его руки едва заметно потеплел.

На пластине выступила бронзовая линия.

— Резерв устойчив, — сказал он.

Инга повернула первый рычаг.

Одна из стрелок качнулась.

Затем вторая.

Я почувствовала, как по действующему оригиналу прошла слабая дрожь.

— Переводим нагрузку, — сказала Инга.

Стрелка медленно опустилась.

Другая поднялась до установленной отметки.

Из дальнего конца комнаты донёсся негромкий металлический щелчок.

— Приём спорной ветви закрыт. Возвратной нагрузки нет.

Роэн проверил контрольную пластину.

— Подтверждаю.

Инга посмотрела на меня.

— Теперь ваша часть.

Я сняла с рук перчатки.

Пальцы были холодными.

Я подошла к столу и открыла шкатулку.

Действующий оригинал лежал под прозрачной защитной рамой. Внутренний вкладыш уже был раскрыт так, чтобы можно было видеть отдельную нить.

Я положила ладонь на предназначенную для диагностики пластину.

Магия откликнулась сразу.

Основная формула была ровной и плотной. Я чувствовала её, как хорошо натянутую ткань на раме.

От неё отходила первая рабочая петля — ограниченное участие в расходах мастерской. Сейчас её приём был остановлен.

А ниже, почти вплотную к основной связке, проходило второе соединение.

Оно было чужим.

Не потому, что выглядело иначе.

Наоборот.

Кто-то очень старательно подобрал нить такого же цвета и той же толщины.

Но направление было другим.

Я провела ощущением вдоль узла.

Связь уходила от Ильвы, проходила через внутренний вкладыш и соединялась с внешним каналом.

К-17.

Теперь я чувствовала его не как название на бумаге, а как едва заметное натяжение, уходившее куда-то за пределы комнаты.

Я открыла глаза.

— Граница подтверждена.

Судебный представитель записал.

— Начинаю отделение, — сказала я.

Взяла серебряный крючок.

Металл был прохладным и лёгким.

Я осторожно подвела его к внутреннему шву.

Со стороны могло показаться, что я собираюсь распороть старую книгу. Но крючок работал не с бумагой, а с тонкой магической связью, которая удерживала дополнительную формулу.

Я почувствовала первое сопротивление.

Нить не хотела отходить.

Это было ожидаемо.

Я чуть изменила угол.

Осторожно подняла край соединения.

В тот же момент Ильва вздрогнула.

— Больно? — спросила я.

— Нет. Тянет.

— Где?

— В ладони.

Я посмотрела на метку.

Белый ограничитель оставался ровным.

— Инга?

— Возврата нет. Показания стабильны.

Я продолжила.

Первый участок отделился легко.

Второй оказался плотнее.

Дополнительную нить закрепили не поверх основной, а провели под одним из узлов. Чтобы снять её, нужно было приподнять соседнюю петлю, не нарушив законную формулу.

Я задержала дыхание.

Потом заставила себя выдохнуть.

Не спешить.

Серебряный крючок скользнул под тонкую связь.

Ощущение было таким, будто я вытаскивала из мокрой ткани нить, которую кто-то затянул слишком сильно.

Ещё немного.

Ещё.

И вдруг узел поддался.

По руке прошёл короткий горячий толчок.

Я отдёрнула пальцы.

— Стоп. Инга, нагрузка?

Она мгновенно посмотрела на прибор.

— Возврата нет.

Роэн уже держал контрольную пластину.

— Резерв устойчив.

Я закрыла глаза, стараясь понять, что произошло.

Дополнительная нить освободилась из первого крепления, но её второй конец оставался натянутым.

Когда я подняла петлю, напряжение перераспределилось.

Ничего опасного пока не случилось.

Но если бы я продолжила тем же движением, могла бы зацепить основную формулу.

Я положила крючок.

— Нужно изменить порядок, — сказала я.

Инга подошла ближе.

— Что именно?

Я показала на внутренний шов.

— Здесь нить заведена под основной узел. Если тянуть снаружи, он начнёт раскрываться вместе с ней.

Инга наклонилась.

— Можешь отделить со стороны вкладыша?

— Да. Но мне потребуется зафиксировать основную петлю.

Я посмотрела на судебного представителя.

— Разрешение включает временную фиксацию без изменения содержания?

Он сверился с постановлением.

— Да. При подтверждении инженера, что нагрузка остановлена.

Инга проверила прибор.

— Подтверждаю.

Я взяла костяную пластину.

Она была тонкой, гладкой и почти невесомой.

Осторожно подложила её под основной узел, удерживая форму.

Теперь можно было работать с другой стороны.

Ильва сидела неподвижно.

Я видела, как она старается не смотреть на мою руку.

— Всё в порядке? — спросила я.

— Да.

— Если понадобится остановиться, скажите.

— Вы тоже, — неожиданно ответила она.

Я подняла голову.

Ильва смотрела прямо на меня.

— Если вам станет плохо, скажите. Я не хочу, чтобы вы пострадали из-за меня.

У меня на мгновение перехватило горло.

— Договорились.

Я вернулась к работе.

Второй крючок лёг в нужную точку.

Я осторожно отделила внутренний край дополнительной нити.

На этот раз сопротивление было меньше.
Связь поддалась.
Я почувствовала, как узел ослаб.
Оставался последний участок — тот, где дополнительное поручительство соединялось с меткой Ильвы.
Я посмотрела на её руку.
Тёмная линия под ограничителем едва заметно пульсировала.
— Сейчас может стать теплее, — предупредила я.
Ильва кивнула.
Я взяла свободный конец нити.
Тонкая, почти невесомая связь несколько недель отбирала силы Ильвы. Я вспомнила, как та пыталась работать, несмотря на слабость.
Я осторожно потянула.
Нить сопротивлялась.
Я удержала её.
Не сильнее.
Не быстрее.
Просто ровно.
И вдруг почувствовала, как соединение отпускает.
На запястье Ильвы тёмная полоска начала бледнеть.
Я продолжила движение.
Последний виток вышел из основной формулы.
В пальцах на мгновение возникло ощущение пустоты.
Потом оно исчезло.
Я положила крючок на стол.
— Дополнительная ветвь отделена.
Никто не ответил сразу.
Инга проверяла прибор.
Роэн смотрел на контрольную пластину.
Судебный представитель записывал время.
Я стояла над открытым оригиналом и пыталась убедиться, что не пропустила ничего.
Основная формула осталась целой.
Законная петля — на месте.
Дополнительного соединения больше не было.
Я провела последнюю проверку.
Чисто.
— Инга?
Она подняла голову.
— Возвратной нагрузки нет. Приём от спорной ветви отсутствует.
Роэн посмотрел на свои показания.
— Резерв устойчив. Система безопасности не нарушена.
Я выдохнула.
Только сейчас поняла, как долго не дышала нормально.
— Завершено, — сказала я.
Ильва медленно подняла левую руку.
Белая полоса ограничителя ещё оставалась на коже.
Но тёмная линия под ней исчезла.
Она осторожно коснулась запястья правой ладонью.
— Я ничего не чувствую.

Я шагнула к ней.
— Что именно?
— Ничего не тянет.
Она посмотрела на меня.
— Совсем.
Я улыбнулась.
И тут пол под ногами неожиданно качнулся.
Я схватилась за край стола.
Инга оказалась рядом первой.
— Сядь.
— Сейчас.
— Не сейчас. Сядь.
Она придвинула мне стул и указала на сиденье.
Я опустилась.
Пальцы дрожали, но я всё ещё беспокоилась о серебряном крючке, оставленном на столе.
Его нужно было убрать в шкатулку.
Я потянулась.
Инга перехватила мою руку.
— Оставь.
— Он дорогой.
— Не убежит.
Роэн подошёл с другой стороны.
— Голова кружится?
— Немного.
— Сколько времени прошло с начала расплетения?
Инга посмотрела на часы.
— Сорок три минуты.
Я попыталась посчитать, сколько силы потратила.
Не получилось.
— Мне нужно...
— Сидеть, — сказала Инга.
— Вы сговорились с Дорой?
— Нет. Но у неё, похоже, здравый взгляд на вещи.
Роэн поставил передо мной стакан воды.
— Выпейте.
Я взяла стакан обеими руками.
Вода показалась удивительно холодной.
Ильва смотрела на меня с тревогой.
— Это из-за меня?
— Это из-за того, что полное расплетение требует много сил, — ответила я. — Так и должно быть. Мне нужен отдых.
Роэн посмотрел на Ингу.
— Проверить её состояние после процедуры.
— Уже проверяю.
Инга взяла мою руку, коснулась пальцами запястья и нахмурилась.
— Сегодня больше никакой тонкой магии. Завтра до этого времени тоже.
— Я знаю.
— Тогда не делай вид, что собираешься ещё что-нибудь проверить.
Я посмотрела на шкатулку.

— Я просто хотела убрать инструменты.

— Их уберёт Дора.

Ильва вдруг сказала:

— Я могу.

Мы все повернулись к ней.

Она подняла правую руку.

— У меня одна работает нормально.

Я рассмеялась.

Сначала тихо.

Потом неожиданно громко, так что пришлось закрыть рот ладонью.

Ильва тоже засмеялась.

Инга покачала головой.

— Две упрямые ведьмы. Прекрасно.

Роэн ничего не сказал.

Но когда я подняла глаза, он улыбался.

Совсем немного.

И почему-то от этого мне стало ещё легче.

Оформление результата заняло больше времени, чем само расплетение.

Инга составила технический акт.

Роэн подтвердил прекращение незаконной нагрузки и устойчивость принимающего оборудования.

Судебный представитель зафиксировал состояние действующего оригинала после процедуры. Дополнительный вкладыш остался в документе как доказательство того, какое обязательство существовало, но его рабочая нить больше не была связана с меткой Ильвы.

Основная формула сохранилась.

Отбор по ней временно остановили в соответствии с постановлением магистрата.

Я сидела за отдельным столом и подписывала бумаги, когда ко мне подошёл Роэн.

— Как самочувствие?

— Примерно как у человека, который всю ночь разгружал баржу.

— Вы когда-нибудь разгружали баржу?

— Нет. Поэтому могу позволить себе сравнение.

Он посмотрел на мои руки.

Дрожь почти прошла.

— Инга разрешила вам уйти?

— Инга считает, что мне нужно лечь и не двигаться до завтрашнего дня.

— Звучит разумно.

— Не начинайте.

Он чуть наклонил голову.

— Я ещё ничего не сказал.

— Но собирались.

— Собирался предложить доставить вас домой.

Я посмотрела на него.

За последние дни он успел несколько раз вывести меня из себя. И несколько раз оказаться правым в вопросах, где мне особенно не хотелось признавать чужую правоту.

Теперь я была слишком усталой, чтобы спорить ради удовольствия.

— Спасибо, — сказала я. — Дора заберёт меня.

— Хорошо.

Он не стал настаивать.

Я почему-то ожидала продолжения.

Может быть, вопроса.

Или замечания о том, что мне следует лучше рассчитывать силы.

Но Роэн просто отошёл к Инге, которая объясняла судебному представителю показания прибора.

Я посмотрела ему вслед.

Потом разозлилась на себя.

Не хватало ещё тратить остаток сил на изучение характера начальника надзора.

Я занялась бумагами.

Через несколько минут к столу подошла Ильва.

Она всё ещё выглядела усталой, но взгляд стал яснее.

— Можно спросить?

— Конечно.

Она села напротив.

— Если всё снято, почему я всё ещё слабая?

Вопрос был простым.

И очень важным.

— Потому что связь отбирала силу несколько недель, — объяснила я. — Мы остановили отбор, но уже потраченное не вернулось. Организму потребуется время. Лекарь поможет определить, как восстанавливаться.

Ильва опустила глаза.

— А работать я смогу?

— Думаю, да. Но не сегодня и, возможно, не завтра. Не стоит сразу проверять, сколько выдержите.

Она помолчала.

— Мне страшно, что я разучилась.

Я посмотрела на её руки.

На аккуратно пришитую пуговицу. На шов рукава, который она успела закончить ещё до того, как стало совсем плохо.

— Вы много лет шили?

— С четырнадцати.

— Тогда навык никуда не делся. Но сейчас ваше тело устало. Дайте ему время.

Она провела пальцем по краю стола.

— Гарт говорил, что без него у меня ничего не получится.

Я не стала отвечать сразу.

Потом спросила:

— Кто придумал первые узоры вашей мастерской?

Ильва подняла глаза.

— Я.

— Кто нашёл первых заказчиков?

— Я. Через знакомую ткачиху.

— Кто обучал помощниц?

Она улыбнулась.

— Тоже я.

— А кто придумал ткань, которая не промокает под дождём?

Ильва засмеялась.

— Это была ошибка. Я неправильно рассчитала пропитку, и вода перестала впитываться. Половина ткани вышла слишком жёсткой.

— Но потом вы исправили состав?

— Да.

Я развела руками.

— Похоже, у мастерской есть неплохие шансы.

Она посмотрела на меня долго и внимательно.

— Вы умеете убеждать.

— Только когда у меня есть доказательства.

Она встала.

— Тогда я вам верю.

Эти слова прозвучали совсем просто.

Но я почему-то почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

Два года назад мне перестали верить люди, которые работали со мной много лет.

Теперь совершенно незнакомая женщина сказала это после четырёх дней знакомства.

Я проводила её взглядом.

И только потом заметила, что улыбаюсь.

К концу дня мы вернулись в магистрат.

Нужно было получить заверенные постановления и регистрационную запись о расторжении брака.

Ильва уже почти не жаловалась на руку, но я видела, как быстро она устаёт. Дора настояла, чтобы мы снова сели на скамью возле окна.

Секретарь принёс два комплекта документов.

Первый подтверждал прекращение незаконного поручительства.

Второй — расторжение брака.

Ильва взяла бумаги.

Посмотрела на своё имя.

Потом на дату.

— Значит, всё действительно закончено?

— Брак прекращён, — ответила я. — Имущественные вопросы ещё предстоит решить.

Она кивнула.

— Я понимаю.

Гарт не появился.

Его поверенный получил отдельный экземпляр постановления и ушёл через другую дверь.

Ильва смотрела на бумагу так, словно боялась, что слова исчезнут, если моргнуть.

— Знаете, — сказала она, — я всё ждала, что кто-нибудь придёт и скажет: произошла ошибка, нужно ещё одно согласие, ещё одна подпись, ещё один разговор с мужем.

— Подписи сегодня были, — заметила Дора. — Но мужа мы к ним не привлекали.

Ильва тихо засмеялась.

Потом сложила документы.

Очень аккуратно.

— Я хочу отметить это, — сказала она.

Я посмотрела на неё.

— Что именно?

— Сегодняшний день.

— Каким образом?

Она задумалась.

— В мастерской лежит кусок синего бархата. Очень красивого. Я берегла его для особого заказа. Всё никак не могла решить, что с ним сделать.

— И?

— Когда поправлюсь, сошью себе платье.
Дора одобрительно кивнула.
— Правильное решение.
— Дорогое, — сказала Ильва.
— Тем более правильное.
Я улыбнулась.
Ильва посмотрела на меня.
— А вам я сделаю перчатки.
— Не нужно.
— Нужно. Вы работаете с клятвами, а руки у вас холодные.
Она взяла мою ладонь.
На среднем пальце виднелся старый ожог.
Ильва задержала взгляд на ожоге, но ничего не спросила.
— Мягкую кожу, — решила она. — И внутри тонкую подкладку. Чтобы не мешала чувствовать магию.
— Это будет очень дорогая работа.
— Зато хорошая.
Я хотела возразить.
Но передумала.
— Тогда договоримся, когда вы восстановитесь.
Она кивнула.
Мы вышли из магистрата уже в сумерках.
Город пах мокрым камнем, хлебом и дымом из печных труб.
У площади торговали жареными каштанами. Дора купила маленький бумажный пакет и разделила содержимое на троих.
Ильва ела медленно, согревая пальцы о тёплую кожуру.
— Мне кажется, я впервые за долгое время могу просто идти по улице, — сказала она.
— До приёмного дома вас лучше отвезти, — напомнила Дора.
— Я знаю.
Но она продолжала смотреть на людей вокруг.
На торговца, который ругался с покупателем из-за мелочи.
На женщину с корзиной белья.
На мальчишку, пытавшегося удержать огромный зонт против ветра.
Обычная городская жизнь.
Ильва смотрела на неё так, словно возвращалась из очень далёкого места.
Когда приехала повозка, она обняла Дору.
Потом неожиданно обняла меня.
Я не сразу поняла, что делать с руками.
В конце концов просто обняла её в ответ.
— Спасибо, — прошептала Ильва.
— Выздоровливайте.
— Я постараюсь.
Она отстранилась.
— И не забывайте есть.
Дора довольно посмотрела на меня.
Я закатила глаза.
Ильва засмеялась.
Повозка увезла её по мокрой улице.
Я ещё некоторое время смотрела вслед.

Потом почувствовала, что ноги стали тяжёлыми.

— Домой, — сказала Дора.

— Нужно отнести документы в бюро.

— Отнесу.

— Они должны быть под замком.

— Запру.

— И опись...

— Марта.

Я посмотрела на неё.

Дора стояла передо мной с таким выражением, будто терпение её иссякло ещё утром.

— Ты сегодня провела полное расплетение. У тебя впереди сутки без тонкой магии и нормальный сон. Я умею закрывать шкафы.

— Знаю.

— Тогда перестань пытаться сделать всё сама.

Я хотела возразить, но протянула ей папку.

— Хорошо. Только...

— Не начинай.

Я вздохнула.

— Только не забудь записать время передачи.

Дора посмотрела на папку.

— Уже записала.

До бюро мы добрались почти в семь.

По дороге Дора заставила меня купить горячий ужин в пекарне. Я не сопротивлялась.

Это было подозрительно даже для меня.

Когда мы поднялись по лестнице, я обнаружила на двери маленький конверт.

«Госпоже Вейр. Просили передать лично».

Подпись была неразборчивая.

Я сняла конверт.

Дора сразу нахмурилась.

— Что ещё?

— Не знаю.

Я раскрыла конверт. Внутри лежало короткое уведомление из драконьего надзора.

Документы по делу Саррен были готовы к передаче. Для получения требовалась подпись представителя.

Я посмотрела на часы.

— Ещё успею.

— Куда?

— В управление. Оно недалеко.

— Марта.

— Это займёт полчаса.

Дора молча сняла плащ.

— Ты не пойдёшь.

— Мне нужно забрать документы.

— Завтра.

— Завтра они могут понадобиться для имущественного дела.

— Завтра утром мы их и заберём.

Я прижала листок к столу.

— Дора, там техническое заключение. Оригинал останется в службе, но нам нужен заверенный экземпляр. Если его не получить сегодня, потом придётся снова подавать запрос.

Она посмотрела на меня.

— И что предлагаешь?

Я хотела сказать, что пойду сама.

Уже почти произнесла.

Но вспомнила сегодняшний разговор с Ильвой.

«Вы тоже, если вам станет плохо, скажите».

И ещё слова Доры, которые я упорно не хотела слышать.

«Перестань пытаться сделать всё сама».

Я медленно села.

— Может быть, попросить Роэна передать документы завтра с посыльным?

Дора подняла брови.

— Вот это неожиданно разумная мысль.

Я взяла чистый лист.

Написала короткую просьбу.

Потом перечитала.

Получилось слишком официально.

Я зачеркнула одну фразу.

И ещё одну.

В конце концов оставила:

«Господин Роэн, прошу передать заверенные технические документы по делу Саррен в моё бюро с доверенным посыльным. Сегодня после полного расплетения я не могу лично прибыть в управление. Получение и состояние комплекта будут зафиксированы. Марта Вейр».

Дора прочитала записку.

— Нормально.

— Слишком сухо?

— Ты пишешь начальнику надзора, а не приглашаешь его на ужин.

Я посмотрела на неё.

— Я и не собиралась.

— Поэтому и говорю, что нормально.

Она сложила записку.

— Отнесу внизу посыльному. А ты начинай ужинать.

Я послушалась.

Впрочем, пока Дора спускалась, я успела проверить, не промокли ли документы.

Когда она вернулась, суп уже был почти съеден.

— Отправила, — сказала она. — Теперь отдыхай.

— Ты ещё здесь?

— Запру шкаф. Потом уйду.

Я села у окна.

На улице зажигались фонари.

Внизу переплётчик закрывал ставни. Соседская кошка сидела под навесом и наблюдала за ним с выражением глубокого неодобрения.

Я почувствовала усталость.

Настоящую.

Не ту тревожную слабость, которая приходит после бессонной ночи, а тяжёлое, ровное истощение, когда тело требует наконец оставить его в покое.

Дора закрыла шкаф, проверила окно и положила ключ на мой стол.

— Завтра я приду к девяти. Не раньше.

— Хорошо.
— И ты не начнёшь работать до моего прихода.
— Постараюсь.
— Марта.
— Ладно. Не начну.

Она посмотрела на меня с сомнением.

Потом улыбнулась.

— Ты сегодня хорошо поработала.

Я хотела отшутиться.

Но почему-то не смогла.

— Спасибо.

Дора кивнула и ушла.

Я осталась одна.

На столе лежал журнал приёмов.

Первая запись.

Ильва Саррен.

В первый день работы бюро она пришла ко мне, едва держась за перила. Я тогда не знала, смогу ли ей помочь.

Сегодня её незаконное поручительство было снято.

Брак прекращён.

Здоровье ещё предстояло восстановить.

Имущественные вопросы ещё ждали решения.

Но главное она получила.

Право уйти.

Я провела пальцем по строчке с её именем.

Потом закрыла журнал.

Внизу раздался стук в дверь.

Я нахмурилась.

Дора ведь только что ушла.

Может быть, забыла перчатки?

Стук повторился.

Я поднялась, спустилась на несколько ступеней и выглянула через лестничное окно.

У входа стоял мужчина в тёмном пальто.

Эдгар Роэн.

Он держал плоский служебный пакет.

Я поспешила вниз, стараясь не думать о том, что выгляжу сейчас как человек, которому срочно необходимы сон и парикмахер.

Открыла дверь.

— Господин Роэн?

Он повернулся.

— Госпожа Вейр. Получил вашу записку.

— Я просила прислать документы с посыльным.

— Да.

Он протянул пакет.

— Управление уже закрыло приём документов. Я возвращался с дежурной проверки и решил передать лично.

Я посмотрела на пакет.

Потом на него.

— Вы работаете посыльным в свободное время?

— Только когда обычные посыльные недоступны.
Я не удержалась от улыбки.
— Очень щедро с вашей стороны.
— Заверенные документы внутри. Два экземпляра. Один для бюро, второй для клиента.
Состояние печатей можете проверить.
Я взяла пакет.
Он был сухим.
Печати целыми.
На обороте стояли номера актов.
— Спасибо, — сказала я.
Роэн посмотрел на меня внимательно.
— Вы отдыхаете?
— Конечно.
Он перевёл взгляд на мой рабочий фартук, который я так и не сняла.
— Выглядит убедительно.
— Я почти закончила.
— Что именно?
Я открыла рот.
Потом закрыла.
— Не знаю.
Он чуть улыбнулся.
Я почувствовала, что краснею, и разозлилась на себя.
— Сегодня всё прошло хорошо, — сказала я, чтобы сменить тему.
— Да.
— Инга сделала отличную работу.
— Согласен.
— Ильва теперь сможет восстановиться.
— Надеюсь.
Мы замолчали.
Дождь снова начал моросить.
Роэн стоял под узким навесом, а я держала пакет обеими руками.
Почему-то мне не хотелось сразу закрывать дверь.
— Вы сегодня подтвердили мою квалификацию перед судом, — сказала я.
— Подтвердил результаты вашей работы.
— Это разные вещи?
— Иногда.
Я посмотрела на него.
Он ответил спокойно:
— В первый день вы правильно обнаружили вторую ветвь, но едва не нарушили зажим ради дополнительного отпечатка. Сегодня вы остановились, когда обнаружили сопротивление узла, и изменили порядок действий. Это говорит о вашей квалификации больше, чем уверенные слова.
Я почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.
Он заметил мою реакцию.
— Я не хотел вас обидеть.
— Вы не обидели.
Я посмотрела на пакет.
— Просто мне давно никто не говорил такого без продолжения о том, как я всё испортила два года назад.

Роэн помолчал.

— Я знаю о вашем прежнем деле.

— Разумеется.

— Читал заключение комиссии.

Я подняла голову.

— И что думаете?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Что без первоначального оригинала невозможно установить, каким был документ до передачи в Палату.

Я почувствовала знакомую горечь.

— Очень удобный ответ.

— Возможно. Но это единственный вывод, который подтверждают имеющиеся материалы.

Я хотела возразить.

Хотела сказать, что знаю, что видела.

Что тот документ изменили.

Что меня сделали виноватой в том, чего я не совершала.

Но всё это он, наверное, уже слышал от других.

Роэн продолжил:

— Сегодня вы сохранили доказательства до расплетения. И не стали вмешиваться в систему, пока Инга не подтвердила безопасность. Это было правильно.

Я молчала.

Он слегка наклонил голову.

— Поэтому я и подтвердил ваше заключение.

Впервые за долгое время мне не захотелось ничего доказывать.

— Спасибо, — сказала я.

На этот раз совсем тихо.

Роэн посмотрел на часы.

— Мне пора. У нас вечерняя проверка среднего моста.

— Конечно.

Он сделал шаг назад.

Я вспомнила о документах.

— Подождите.

Он остановился.

— Там есть показания после отключения?

— Да. Полный технический акт.

— Можно один вопрос?

— Слушаю.

Я открыла пакет и достала листы технического акта.

На третьей странице стояла таблица распределения нагрузки.

Я нашла обозначение К-17.

Рядом было несколько строк с числами и временными отметками.

— После снятия связи Ильвы канал продолжил работать?

Роэн посмотрел на таблицу.

— Да.

— Нагрузка уменьшилась?

— Незначительно. В пределах обычных колебаний для общего канала.

Я нахмурилась.

— То есть там есть другие источники?

— В городских каналах их обычно много.
— Но К-17 не должен был получать силу по этому поручительству.
— По поручительству госпожи Саррен — не должен.
Он произнёс это с осторожностью.
Я подняла глаза.
— А по другим?
— Это отдельный вопрос. Сам по себе общий канал не незаконен. Нужно проверить основания каждого подключения.
Я посмотрела на цифры.
Система продолжала работать.
Большая, привычная, почти незаметная для горожан.
Сегодня мы остановили одну незаконную ветвь.
Но основной поток остался.
— Вы собираетесь проверять К-17? — спросила я.
— По материалам сегодняшнего дела у надзора есть основания запросить сведения о подключении. Мы передадим соответствующий запрос.
— Палате клятв?
— И службе городских контуров. У них отдельные журналы.
Я вспомнила Северина Морна.
Его безупречный сюртук.
Серебряный кофейник.
Спокойную улыбку, с которой он предлагал исправить «техническую неточность» без независимой экспертизы.
— Надеюсь, документы сохранятся, — сказала я.
Роэн посмотрел на меня.
— Для этого и нужны независимые экземпляры.
Он произнёс мои собственные мысли.
Мне стало неудобно.
И одновременно немного спокойнее.
— Доброй ночи, госпожа Вейр.
— Доброй ночи, начальник Роэн.
Он спустился с крыльца.
Я проводила его взглядом.
Высокая фигура быстро скрылась за поворотом. На мокрой мостовой отражались фонари. Где-то у реки ударил колокол.
Я закрыла дверь.
Поднялась в бюро.
Положила пакет на стол и открыла журнал.
Снова посмотрела на имя Ильвы.
Первая клиентка.
Первое завершённое дело.
Первая маленькая победа.
Я хотела обвести запись аккуратной линией, но рука дрожала от усталости.
Пришлось отложить перо.
Я погасила лампу и пошла в свою комнату.
Уже лёжа в кровати, вспомнила таблицу из технического акта.
К-17.
Одна незаконная ветвь закрыта.
Но городской канал продолжал получать энергию.

И больше всего меня тревожило даже не то, сколько там могло быть других подключений.

А то, что без жалобы Ильвы никто, похоже, не собирался проверять, откуда эта энергия берётся.

Глава 4. Мы хотим остаться вместе

На следующее утро я обнаружила, что избавить женщину от незаконного магического поручительства гораздо проще, чем заставить собственную помощницу перестать относиться ко мне как к тяжело больной.

— Нет, — сказала Дора.

Я даже не успела открыть шкатулку.

— Я ещё ничего не сделала.

— Именно. И не сделаешь.

Она поставила передо мной тарелку с овсяной кашей и забрала со стола футляр с диагностическими пластинами.

— Двадцать четыре часа после полного расплетения. Инга повторила трижды. Я записала.

— Я помню.

— Тогда зачем достала инструменты?

— Хотела почистить.

— Их можно почистить обычной тряпкой. Но ты обязательно решишь заодно проверить, не осталось ли на серебре магического следа.

Я посмотрела на неё.

Дора невозмутимо переложила футляр в шкаф.

— Видишь? Даже спорить не стала. Значит, угадала.

За окном Медная улица просыпалась медленно и неохотно. Ночью прошёл дождь, вода стояла между камнями мостовой, а над крышами висел туман. Соседский пекарь ругался с поставщиком муки. Переплётчик внизу ещё не открыл мастерскую, поэтому в нашем бюро было необычно тихо.

Я отодвинула тарелку.

Дора вернула её на место.

— Марта.

— Я взрослая женщина.

— Тогда води себя соответственно и позавтракай.

Пришлось подчиниться.

Вчера, на четвёртый день работы бюро, у нас наконец появились деньги. Немного, но достаточно, чтобы оплатить следующую неделю работы Доры и купить новый запас мела.

Я пересчитала монеты вечером, прежде чем лечь. Утром выяснилось, что Дора пересчитала их ещё раз.

В её тетради рядом с доходами появилась новая строка: «Непредвиденные расходы на питание госпожи Вейр».

— Убери, — потребовала я.

— Это бухгалтерия.

— Это издевательство.

— Одно другому не мешает.

Я снова взялась за кашу.

Вчера я провела первое полное расплетение после двух лет работы с ограниченным допуском. Ильва Саррен получила освобождение от незаконной нагрузки и документы о разводе, а я — ноющие руки, тяжёлую голову и странное ощущение, будто в собственной жизни наконец сдвинулась с места.

Хорошее ощущение.

Непривычное.

Я даже опасалась слишком долго на нём задерживаться.

— Из магистрата что-нибудь принесли? — спросила я.

Дора достала из сумки сложенный лист.

— Подтверждение приёма технических актов. Ещё письмо из регистрационной канцелярии: постановление Ильвы внесено в реестр. Заверенную выписку можно получить завтра.

— Отлично.

— А ещё пришёл счёт за отопление.

— Не надо портить мне утро.

— Поздно. Я уже посчитала.

Она положила передо мной маленький листок.

Я посмотрела на сумму.

— Мы отапливаем бюро или весь дом?

— По мнению хозяина, половину дома.

— С такими расходами нам срочно нужен ещё один клиент.

Дора осторожно отодвинула тарелку и достала чистый лист.

— Клиенты появятся. Только давай договоримся, что на этот раз мы сначала выясним, чего они хотят, а уже потом начнём спасать их от мужей.

— Что это должно означать?

— Ничего. Просто полезная привычка.

Я хотела спросить, с каких пор Дора занимается воспитанием моего профессионального характера, но на лестнице послышались шаги.

Два человека.

Один шёл быстро и неровно, другой — медленнее, останавливаясь через несколько ступеней.

Затем раздался тихий звон.

Будто кто-то ударил маленькой ложечкой о стакан.

Мы с Дорой переглянулись.

— Если опять дракон с жалобой, — сказала она, — я беру за приём двойную плату.

В дверь постучали.

— Войдите, — ответила я.

Первой появилась молодая женщина в тёмно-зелёном плаще. Она была невысокой, с рыжеватыми волосами, убранными под капюшон. Из-за рукавов выглядывали кончики тонких кожаных перчаток.

За ней вошёл мужчина.

Высокий, светловолосый, с широкими плечами и кожаной сумкой через плечо. Он нёс деревянный ящик, из которого при каждом шаге доносился тихий металлический перезвон.

Я заметила ещё кое-что.

Он держался рядом с женщиной, не прикасаясь к ней, но постоянно следил, чтобы она не оступилась.

Дракон.

Это было видно по едва заметному бронзовому блеску в глазах и тому, как тепло от его тела рассеивало холодный воздух возле воротника.

Женщина остановилась перед моим столом.

— Госпожа Вейр?

— Да. Проходите.

Она посмотрела на вывеску, видневшуюся через открытую дверь.

Потом на мужчину.

— Мы, кажется, пришли по адресу.

— Это зависит от вашей проблемы.

— У нас брачный договор, — сказала она.

Я указала на стулья.

— Тогда садитесь. Меня зовут Марта. Это Дора Фенн, моя помощница. Мы занимаемся магическими обязательствами и их прекращением.

Мужчина поставил ящик на пол и помог спутнице снять плащ.

Она тут же забрала у него ткань и повесила сама.

Жест был быстрым, привычным.

Я заметила, как он слегка улыбнулся.

— Меня зовут Мирена Лат, — представилась женщина. — Я ведьма. Работаю со стеклом.

— Феликс Лат, — сказал мужчина. — Часовой мастер.

Они сели рядом.

Я открыла журнал приёмов.

— Сколько лет вы в браке?

— Три года, — ответила Мирена.

— Четыре в следующем месяце, — уточнил Феликс.

Она посмотрела на него.

— В следующем месяце будет четыре со дня знакомства.

— Верно. Прости.

— А поженились мы три года и семь месяцев назад.

Феликс улыбнулся.

— Вот поэтому документы обычно заполняет она.

Мирена чуть заметно толкнула его локтем.

Я записала срок брака.

— Понимаю. И что вас привело ко мне?

Женщина глубоко вдохнула.

— После подписания одного документа у меня начали болеть руки. Я быстро устаю. Иногда кажется, что жар в печи вытягивает из меня больше силы, чем раньше.

Я посмотрела на её перчатки.

— Когда подписали документ?

— Четыре дня назад.

— Муж знает о вашем обращении?

Мирена удивилась.

— Конечно. Мы вместе пришли.

Я перевела взгляд на Феликса.

Он сидел спокойно, положив ладони на колени.

— Что именно вы подписывали? — спросила я.

— Акт о завершении добровольного участия в городском щите, — ответил он.

Я перестала писать.

— В каком щите?

— В общем. Том, что защищает набережные и мосты, — пояснила Мирена. — Три месяца назад я согласилась помогать городу своей силой. На девяносто дней.

— Добровольно?

— Да.

— Муж предложил?

Феликс слегка повернул голову.

Мирена нахмурилась.

— Нет. Я сама решила.

— А он поддержал?

— Марта, — негромко сказала Дора.

Я сделала вид, что не услышала.

— Просто хочу понять обстоятельства.

Мирена сложила руки на столе.

— Я подписала договор добровольно. Феликс отговаривал, потому что у меня и без того много работы. Но я настояла.

Мужчина улынулся уголком рта.

— Она обычно настаивает.

— И часто оказываюсь права.

— Часто, — согласился он.

Я посмотрела на них обоих.

Слишком спокойные.

Слишком согласные друг с другом.

Гарт Саррен тоже наверняка умел улыбаться, когда хотел произвести хорошее впечатление.

Я поставила следующую отметку.

— А почему пришли именно ко мне?

Феликс посмотрел на вывеску за окном.

— Мы сначала пошли в Палату. Там сказали, что нужно подождать проверки. Потом Мирена увидела ваше объявление.

— У вас написано, что вы разбираетесь с драконами, — добавила она.

— С магическими обязательствами, — поправила я.

— Да. Но драконы там тоже упоминаются.

— Обычно в менее приятном контексте.

Мирена посмотрела на мужа, потом снова на меня.

— Вот поэтому я и хотела сразу объяснить.

Она наклонилась ближе.

— Мы не собираемся разводиться.

Я подняла глаза.

— Простите?

— Мы хотим остаться вместе.

Несколько мгновений я молчала.

Дора очень медленно закрыла бухгалтерскую тетрадь.

Мирена продолжила:

— У нас хороший брак. По крайней мере, я так считаю.

— Я тоже, — сказал Феликс.

— Мы иногда ссоримся, но не из-за этого. Мне нужно разобраться с магическим обязательством. Я не хочу разводиться с мужем, чтобы перестать отдавать силу.

Я почувствовала, как лицо начинает теплеть.

— Конечно. Для этого развод не требуется.

Дора кашлянула.

Я не посмотрела на неё.

— Тогда давайте разберёмся с документами, — предложила я.

Феликс поднял с пола деревянный ящик.

— Я принёс всё, что нам выдали.

Он открыл крышку.

Внутри лежали аккуратно сложенные бумаги, маленький карманный хронометр и две металлические пластинки с регистрационными номерами.

Я посмотрела на хронометр.

— Это тоже относится к делу?

— Возможно.

Он осторожно вынул прибор.

— Я делаю часы. Достаточно точные, чтобы замечать небольшие отклонения в работе магических механизмов. Когда Мирена стала жаловаться на усталость, я начал записывать, в какое время она возникает.

— И что обнаружили?

— Почти каждый день около четырёх часов пополудни происходит короткое усиление нагрузки. Не сильное, но заметное. В это время наши домашние часы начинают отставать.

Я подняла бровь.

— Все часы?

— Те, которые стоят рядом с мастерской.

— Почему?

— Они используют небольшую долю тепла от стекольной печи для стабилизации хода. Мирена раньше поддерживала этот режим почти не задумываясь. Теперь ей приходится тратить больше силы, и механизм реагирует.

Я посмотрела на Мирену.

— Вы это подтверждаете?

— Да. Хотя сначала думала, что Феликс просто неудачно починил собственные часы.

— Один раз такое было, — заметил он.

— Три раза.

— Третий был из-за кошки.

— Кошка не должна разбирать часы.

— Она не разбирала. Только уронила.

Я невольно улыбнулась.

Потом вспомнила, что веду приём, и открыла папку.

Первый документ оказался договором добровольного участия в городской программе поддержки щита.

Девяносто дней.

Не более одной десятой доступной силы.

Вклад принимался только при соблюдении предела и прекращался по окончании срока.

Всё выглядело совершенно законно.

Мирена подписала договор три месяца назад. Рядом стояла отметка нотариуса и номер городского канала.

К-17.

Я задержала взгляд на обозначении.

Тот самый номер.

— Вы знали, в какую систему передаёте силу? — спросила я.

— Да, — ответила Мирена. — Нам объяснили. Городской щит. После весеннего паводка часть защитных узлов требовала усиления, и собирали добровольные вклады.

— Почему вы согласились?

Она пожала плечами.

— Наш дом возле северной набережной. Весной вода дошла почти до мастерской. Если бы щит не удержал вторую волну, мы потеряли бы всё оборудование.

Феликс добавил:

— Программа была открытая. Список условий лежал в городской канцелярии. Я сам прочитал.

Я посмотрела на него.

— То есть вы изучали договор?

— Да.

— Внимательно?

— Насколько мог. Я не специалист по клятвам, но умею читать условия.

Он произнёс это без раздражения.

Отчего мне стало только неудобнее.

Я перевернула лист.

Договор действительно содержал ограничения. Никаких скрытых вкладышей в представленной копии не было.

— Акт о завершении участия?

Мирена передала следующий документ.

— Вот.

Он был подписан четыре дня назад.

На первой странице крупно стояло:

«Акт окончательного закрытия добровольного поручительства».

Ниже следовало подтверждение окончания девяностодневного срока.

Я прочитала документ до конца.

Подписи Мирены и Феликса.

Отметка Палаты клятв.

Ссылка на первоначальный договор.

И короткая строка о технической сверке действующей формулы.

Я перечитала её.

— Что вам сказали перед подписанием?

Мирена ответила сразу:

— Что обязательство закрывается. Мы спрашивали, нужно ли что-то ещё делать. Писарь сказал, что после подписи сила больше уходить не будет.

— Вы оба подписали?

— Да, — сказал Феликс. — Мирена как участница, я как второй подписант при совместном оформлении.

— Вы касались действующего листа?

Мирена кивнула.

— Да.

Я положила документ на стол.

— После этого началась слабость?

— На следующий день, — сказала она. — До этого я чувствовала себя нормально.

— А раньше, во время добровольного участия?

— Иногда уставала, но не так. Я знала, что отдаю часть силы. Следила за нагрузкой и меньше работала по вечерам.

Я внимательно посмотрела на Феликса.

— Вы получали какие-нибудь дополнительные документы после подписания акта?

— Нет.

— С кем-нибудь разговаривали отдельно?

Он нахмурился.

— О чём?

— О продлении поручительства. О дополнительном обеспечении. О том, чтобы временно сохранить нагрузку.

Мирена перевела взгляд с меня на мужа.

Феликс медленно положил хронометр на стол.

— Нет.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Никаких заявлений? Платежей посредникам? Просьб ускорить оформление?
Его лицо стало серьёзным.

— Госпожа Вейр, вы хотите что-то мне сказать?

— Я пытаюсь установить, кто мог заказать изменение условий.

— Тогда почему спрашиваете только меня?

Я замолчала.

Он смотрел прямо, без агрессии, но и без прежней лёгкости.

Мирена тоже перестала улыбаться.

— Марта, — сказала она, — я понимаю, почему вы спрашиваете.

— Правда?

— Мы слышали о вашей первой клиентке. У нас знакомая работает рядом с её мастерской. Люди обсуждают, что там произошло.

Я почувствовала неприятный холод в животе.

— И что говорят?

— Что муж скрывал от неё обязательства. Что ей стало плохо, а вы помогли снять незаконную нагрузку.

Она помолчала.

— Но у нас другая история.

Феликс взял её за руку.

Я посмотрела на их пальцы.

Мирена не вздрогнула.

Не попыталась отстраниться.

Наоборот, сама переплела пальцы с его.

— Я хочу понять, почему после закрытия договора мне стало хуже, — сказала она. — И хочу, чтобы Феликс помогал мне с этим разбираться. Я не хочу, чтобы мы начинали подозревать друг друга из-за чужой ошибки.

Мне стало стыдно.

Не резко, как бывает после публичного замечания.

Гораздо неприятнее.

Я вдруг увидела со стороны собственные вопросы.

Сначала муж.

Потом подозрение.

А потом уже документы.

Хотя люди пришли ко мне за помощью, а не за оценкой своей семейной жизни.

— Вы правы, — сказала я.

Феликс поднял бровь.

Я повернулась к нему.

— Прошу прощения. Я поспешила с предположениями. Пока у меня нет оснований считать, что вы заказывали дополнительное поручительство.

Он посмотрел на Мирену.

Потом снова на меня.

— Спасибо.

Ответ был коротким.

Но напряжение в его плечах немного ослабло.

Я закрыла договор.

— Давайте начнём заново. С того, чего вы оба хотите.

Мирена ответила первой:

— Чтобы мой добровольный вклад действительно закончился.

Феликс добавил:

— И чтобы никто больше не забирал её силу без согласия.

— Брак сохраняем?

Мирена улыбнулась.

— Желательно.

Феликс посмотрел на неё.

— Очень желательно.

На этот раз я рассмеялась вместе с ними.

После ухода супругов Дора молча положила передо мной чистую страницу журнала.

Я знала это выражение.

Обычно после него следовал разговор, который мне не понравится.

— Можешь начинать, — сказала я.

— Что именно?

— Читать лекцию.

Дора села.

— Не буду.

— Почему?

— Ты уже поняла.

Я откинулась на спинку стула.

— Мне хотелось проверить мужа.

— И это нормально. Ненормально было начинать с предположения, что он обязательно виноват.

— После Ильвы...

— После Ильвы у нас появился опыт одного дела, — перебила Дора. — Одного. Не всех драконов города.

Я посмотрела на вывеску за окном.

— Учитывая название бюро, звучит неудобно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.